

СУНЬ-ЦЗЫ

трактат о военном искусстве

с комментариями и объяснениями

трусость
рождается
из храбрости

возможность
победы
заключена
в противнике

полководец
есть
властитель
судеб
народа

кто
умеет
вести
войну,
покоряет
чужую
армию

Философия на пальцах

Сунь-цзы

**Трактат о военном
искусстве. С комментариями
и объяснениями**

«АСТ»

УДК 355.4
ББК 68

Сунь-цзы

Трактат о военном искусстве. С комментариями и объяснениями / Сунь-цзы — «АСТ», — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-099955-2

Настоящая книга – известный древнекитайский трактат, посвященный военной политике. До сих пор никому еще не удалось сформулировать принципы ведения войны так же просто и афористично, как человеку, известному под псевдонимом Сунь-цзы. Его произведение является основным текстом «школы военной философии», оказавшим большое влияние на всё военное искусство Востока. Оно учит разработке стратегии, тактике, дипломатии, самоорганизованности, умению концентрироваться на определенной задаче и успешно решать ее, вести переговоры на любом уровне, показывает, как можно перехитрить своего противника и довести начатое дело до победного конца. Этой книгой зачитывались маршал Карл Густав Маннергейм и генерал Аксель Айро. Она переведена на многие языки и изучается людьми разных профессий и разных статусов. Трактат издан в классическом переводе востоковеда Н. Конрада с его глубокими комментариями, представляющими собой отдельное увлекательное произведение.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-099955-2

© Сунь-цзы
© АСТ

Содержание

От переводчика	7
Введение	12
1. Трактат Сунь-цзы	12
2. Трактат Сунь-цзы и «Семикнижие»	18
3. Задачи работы	20
Трактат о военном искусстве	22
Глава I	22
1	22
2	22
3	23
4	25
5	26
6	26
7	27
8	28
9	28
Пояснения к главе[10]	28
Глава II	40
1	40
2	40
3	41
4	41
5	42
6	42
7	43
8	43
9	43
10	43
11	44
12	44
13	44
14	45
15	46
Пояснения к главе	46
Глава III	54
1	54
2	55
3	55
4	55
5	56
6	56
7	58
8	58
9	58
Пояснения к главе	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сунь-цзы

Трактат о военном искусстве с комментариями и объяснениями

Перевод с китайского, предисловие, комментарии академика *Николая Конрада*

© Н. И. Конрад (наследник), перевод, предисловие, комментарии, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

От переводчика

Среди огромной и разнообразной литературы, оставленной нам старым Китаем, особое место занимает литература по военному искусству. При этом, подобно широко известным классикам философии, и эта литература имеет своих классиков: древнему конфуцианскому «Пятикнижию» и «Четверокнижию» здесь соответствует свое «Семикнижие».

Это «Семикнижие» образовалось в результате продолжавшегося много веков отбора из очень большой военной литературы тех произведений, которые постепенно приобрели авторитет в вопросах войны и военного дела. Свою окончательную форму этот отбор получил при сунской династии в последней четверти XI в. С тех пор эти произведения заняли положение общепризнанных классиков.

Этих трактатов семь, но наибольшее значение имеют два из них, поставленные на первом месте: «Сунь-цзы» и «У-цзы», названные так по именам тех древних стратегов, которым традиция приписывает авторство если не самих этих сочинений непосредственно, то, во всяком случае, тех положений, которые там высказаны. Если «Семикнижие» в целом считается «канонem военной науки» (у-цзин), то основу этого канона составляют эти два трактата. Кстати сказать, они являются и наиболее древними: историческая традиция считает, что деятельность Сунь-цзы как полководца падает на конец VI и начало V в. до н. э.; деятельность У-цзы – на начало IV в. до н. э. Репутация этих двух трактатов такова, что уже с давних пор и в Китае, и в Японии принято было считать, что вообще военное искусство старого Китая есть «военное искусство Сунь-У» (Сунь-У бин фа).

Однако недаром из этих двух трактатов на первом месте поставлен «Сунь-цзы». Этот трактат создал основы военной науки старого Китая. В конце Минской эпохи, т. е. в первой половине XVII в., Мао Юань-и говорил, что, возможно, и были трактаты по военному искусству до Сунь-цзы, но, во-первых, они до нас не дошли, а во-вторых, самое существенное, что в них имелось, вошло в состав учения Сунь-цзы; после Сунь-цзы появился ряд сочинений в этой области, но все они в конечном счете либо прямо развивают те или иные идеи Сунь-цзы, либо находятся под его влиянием. Поэтому, заключает Мао, строго говоря, вся военная наука в Китае целиком заключается в «Сунь-цзы».

Эти слова свидетельствуют прежде всего о том ореоле непререкаемого авторитета, которым было окружено имя Сунь-цзы даже в столь поздние времена, т. е. когда военная наука в Китае насчитывала уже множество сочинений. Конечно, Мао не прав: не все трактаты «Семикнижия» повторяют «Сунь-цзы» или исходят из него. Вполне оригинальными по содержанию могут быть признаны трактаты «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы», «Сыма фа» и некоторые другие, но совершенно бесспорно, что по значению никто, даже прославленный «У-цзы», не может быть поставлен рядом с «Сунь-цзы». Под знаком «Сунь-цзы» идет вся позднейшая, по крайней мере с III в. н. э., военно-теоретическая литература старого Китая.

Эта роль «Сунь-цзы» не ограничивается одним Китаем. Совершенно такое же положение занимал трактат Сунь-цзы и в прежней Корее, и в феодальной Японии: и там это был авторитет во всех основных вопросах, касающихся войны.

Новое время не отвергло «Сунь-цзы». И в XIX и XX вв. как в Китае, так и в Японии «Сунь-цзы» изучается специалистами военного дела наравне со старыми классиками военной научно-теоретической мысли других народов.

Изучение трактата Сунь-цзы всегда составляло в этих странах необходимый элемент высшего военного образования. События же

последних 20–25 лет¹ пробудили новый, еще более широкий интерес к этому памятнику. На своей родине, в Китае, трактат Сунь-цзы оказался в сфере внимания непосредственных руководителей борьбы китайского народа против своих угнетателей и иностранных захватчиков.

Нельзя, с другой стороны, пройти мимо того факта, что за последние десятилетия трактат Сунь-цзы привлекал к себе усиленное внимание и в противоположном лагере, прежде всего – среди японских реакционных военных деятелей. Свидетельством этому являются новые издания трактата, вышедшие в 1935, 1940 и 1943 гг. и рассчитанные на широкого читателя. Поскольку эта популяризация древнего памятника имела место в те годы, когда японский империализм вел (с 1931 г.) разбойничью, захватническую войну в Китае и готовился к нападению на СССР, постольку ясно, что правящие круги империалистической Японии стремились использовать многие воззрения Сунь-цзы в своих целях и превратить трактат Сунь-цзы, соответственным образом прокомментированный, в одно из средств милитаристской пропаганды.

Несомненно, в учении Сунь-цзы, обусловленном своей исторической эпохой, есть много черт, привлекавших к нему тех, кто вел захватнические войны. Военная идеология, нашедшая свое яркое выражение в трактате Сунь-цзы, являлась идеологией господствующих классов Древнего Китая и в дальнейшем прочно вошла в военно-идеологический арсенал феодальных властителей Китая и Японии. Эта военная идеология – если рассматривать ее историческую роль на протяжении многих веков – была идеологией, необходимой тем, кто вел несправедливые, захватнические, грабительские войны. Но вместе с тем это учение никогда не пережило бы настолько свой век, если бы в нем не содержались и иные черты, делающие возможным обращение к нему и тех, кто вел и ведет борьбу против захватчиков. Освободительная борьба такого характера и размаха, какая никогда еще не наблюдалась в истории Китая и которая привела к победе народно-демократических сил, свидетельствует, что ряд положений Сунь-цзы, критически освоенных применительно к иной исторической обстановке и иным целям вооруженных действий, оказался пригодным и в борьбе народа против его угнетателей. Эти стороны учения Сунь-цзы, несомненно, представляют для нас особый интерес.

Таким образом, есть все основания для перевода этого древнего сочинения по военному искусству на русский язык. Этим самым вниманию специалистов, изучающих памятники военной науки, предлагается трактат Сунь-цзы – древнейшее и в то же время одно из наиболее широко известных произведений военной литературы в Китае, Корее, Японии. Этим самым появляется своего рода военно-теоретический комментарий к военной истории указанных стран, облегчающий изучение – с точки зрения характерного для ряда стран Дальнего Востока стратегического и тактического искусства – важнейших войн и сражений, которые там велись. Ввиду же того что Сунь-цзы и в Китае, и в Японии не отброшен новой военной наукой, стремящейся извлечь из его воззрений их рациональное зерно, знание этого трактата может быть небесполезным и для понимания некоторых сторон стратегии и тактики армий этих стран не только в прошлом, но и в новое время.

Есть одна специфическая сторона этого трактата, которой он в значительной мере обязан своей широкой известностью. Многие из его общих положений всегда легко переносились из области войны в область политики и дипломатии. Поэтому трактат Сунь-цзы имеет известное значение для понимания поступков не только военных деятелей, но и политиков упомянутых стран

Дальнего Востока, и притом отнюдь не только в отдаленные исторические времена.

¹ Работа вышла в 1950 г. – *Примеч. ред.*

Перевод трактата, предназначенный для современного советского читателя, неминуемо должен сопровождаться комментарием. Это необходимо прежде всего для того, чтобы вскрыть мысль Сунь-цзы, часто облеченную в такую форму, которая делает ее малопонятной для человека XX в. Не нужно забывать, что манера, в которой Сунь-цзы излагает свои мысли, отличается от стиля, которым пишутся привычные нам теоретические работы. Сунь-цзы не доказывает, не разъясняет. Он только высказывает свои положения, и высказывает обычно в сжатой, афористической форме. Поэтому понять его мысль по ее буквальному выражению часто нелегко, и переводчику, не желающему превращать перевод в распространенный пересказ, нередко приходится предоставлять разъяснение этой мысли комментарию. Далее, нужно помнить, что Сунь-цзы употреблял слова и выражения своего времени, во многих случаях непонятные даже его китайским читателям позднейших времен. Поэтому перед переводчиком, не желающим европеизировать и модернизировать язык и стиль древнего китайского стратега, встает необходимость, оставив в переводе слова и выражения по мере возможности такими, каковы они в оригинале, разъяснять их в особом комментарии. И наконец, трактат Сунь-цзы принадлежит древней китайской культуре: все его содержание укладывается в круг понятий этой культуры, связано с определенной исторической обстановкой. Советский читатель может этой обстановки не знать, а без этого знания трактат Сунь-цзы не может быть полностью понят. А это означает, что переводчик должен представить те или иные положения Сунь-цзы в свете китайской истории той эпохи.

Все эти причины и привели к тому, что к русскому переводу оказался присоединенным обширный комментарий, поясняющий фразу за фразой весь текст трактата. Переводчик стремился разъяснить смысл его отдельных понятий, смысл его положений и правил, а также установить внутреннюю связь между отдельными высказываниями и частями трактата в целом.

Составляя свой комментарий, автор старался вскрыть мысль Сунь-цзы, как она должна была представляться в его время. Ключ к идеям и положениям Сунь-цзы, конечно, пришлось искать, как только что было сказано, прежде всего в его эпохе. Этой эпохой, по убеждению автора, был так называемый период «Пяти гегемонов» (У ба), т. е. VII–VI вв. до н. э., точнее, конец VI – начало V в., т. е. время, когда древний рабовладельческий Китай состоял из самостоятельных, боровшихся между собой царств. Именно тогда и сложилась доктрина Сунь-цзы как учение о захватнической войне в интересах рабовладельцев.

Конкретное историческое содержание той эпохи, общий ход исторического процесса того времени, как он раскрывается в свете нашей исторической науки, и определили понимание основных положений трактата. При изучении этой эпохи автор обратился к особому, до сих пор не привлекавшемуся материалу: к сочинениям по военному искусству, возникшим в ближайшие к эпохе Сунь-цзы времена – в период Чжаньго (403–221), именно – к трактатам «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы» и «Сыма фа», а также к литературе хотя и значительно более поздней, но тесно связанной с трактатом Сунь-цзы, как, например, к известным «Диалогам» Ли Вэй-гуна. Поэтому читатель найдет в книге ряд цитат из этих, а также и других трактатов «Семикнижия», цитат, призванных разносторонне осветить то или иное положение Сунь-цзы.

Эпоха Сунь-цзы, рассмотренная с привлечением указанной специальной литературы, послужила первым материалом для русского комментария трактата. Огромную помощь в деле разъяснения трактата оказали, конечно, и китайские комментаторы. Как известно, комментарии на трактат Сунь-цзы стали появляться уже в древности; есть сведения о существовании таких комментариев уже в эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Они не дошли до нас, и наиболее ранний из известных нам – комментарий Цао-гуна относится к началу III в. н. э. Комментирование интенсивно продолжалось и дальше, так что трактат постепенно оброс целой толковательной литературой. В конце концов в XI в. был окончательно уста-

новлен список наиболее важных и авторитетных комментариев из числа появившихся с III по XI в. включительно. Таких оказалось десять, авторами которых были: Цао-гун, Ду Му, Мэй Яо-чэнь, Ли Цюань, Ван Чжэ, Хэ Янь-си, Мэн-ши, Чэнь Хао, Цзя Линь, Чжан Юй. К ним обычно присоединяют еще и одиннадцатого – Ду Ю. Эти комментарии и стали сопровождать в дальнейшем всякое издание трактата, так как без них он для китайского читателя позднейших времен уже был во многом непонятен.

Ценность этих комментариев огромна. Авторы их – знатоки военного дела – дают богатейший материал для понимания той или иной мысли Сунь-цзы. Поэтому всякий переводчик, составляя свой комментарий, обязан пользоваться этим материалом. При этом комментирование трактата велось не только в Китае; Сунь-цзы, ставший классиком военного искусства на всем Дальнем Востоке, вызвал внимание и японских военных писателей. Это было и в феодальной Японии, это наблюдается и в современной.

Переводчик привлек только один из японских комментариев: старое толкование Опо Сорай (1750). Новейшими японскими комментариями автор не пользовался, так как, по его мнению, в них нет ничего, что заслуживало бы внимания с точки зрения раскрытия подлинного содержания учения Сунь-цзы. Поэтому читатель не найдет в настоящей работе никаких ссылок на этих комментаторов, хотя они автору хорошо известны.

Составляя русский комментарий трактата, автор ни в коем случае не исходил из какого-нибудь одного из этих комментаторов. Исходить из одного значило бы подчиниться его концепции. Но концепция каждого комментатора всегда отражает его эпоху, его личность. Автор же стремился, как сказано выше, понять мысль Сунь-цзы адекватно эпохе, в которую жил и действовал Сунь-цзы, и той социальной среде, интересы и чаяния которой он представлял, – насколько, конечно, наши исторические знания позволяют решить такую задачу. Автор постарался расширить эти знания привлечением нового, указанного выше материала: перечисленной выше древней китайской литературы по военному искусству. Старые китайские комментаторы привлекались лишь при филологическом изучении текста, необходимом для русского перевода. Как уже было сказано, многие слова и выражения трактата очень трудны для понимания, и не только для современного читателя: не забудем, что уже в эпоху вэйского Цао-гуна, т. е. в III в., понадобился комментарий, без которого этот трактат, очевидно, был малопонятен даже тогда. При этом самое беглое знакомство с комментаторской литературой убеждает нас в том, что различные комментаторы по-разному, иногда прямо противоположно понимали те или иные слова и выражения трактата, по-своему истолковывали смысл многих его фраз. Переводчик мог, конечно, предложить тот перевод, который с первого взгляда представляется как будто само собой разумеющимся. Однако долгий опыт работы над китайскими классиками убедил в том, как легко при таком неосторожном подходе вложить в исследуемый текст содержание, которого в нем никогда не было. Поэтому каждую версию предлагаемого перевода необходимо было всегда проверять. Основным методом проверки правильности перевода того или иного места трактата было сопоставление этого перевода с переводом других мест, соприкасающихся по теме, материалу, мысли. Кроме того, возможность такого именно перевода оценивалась в свете общей концепции трактата, той системы взглядов, которая, по убеждению исследователя, в нем заложена. Но каждое установленное таким путем понимание переводчик сопоставлял с данными различных китайских комментариев, стремясь проверить допустимость данного им лексического и грамматического толкования вообще. Однако для плодотворности этой работы было необходимо подвергнуть этих китайских комментаторов серьезному критическому рассмотрению, которое нашло свое отражение частично в основной части труда – разборе учения Сунь-цзы, частично в «Примечаниях». Если привести всю проделанную работу полностью, получился бы труд узкоспециального синологического характера. А именно этого автор и не хотел делать, так как он обращается в первую очередь к военному специалисту вообще,

к историку военно-теоретической мысли. При этом, как уже сказано, китайские комментаторы во многом по-разному понимают своего автора, очень часто не согласны друг с другом. Их работы представляют род развернувшейся в истории китайской военно-теоретической мысли дискуссии по вопросам военной науки, а также своего рода историю развития этой мысли в Китае вообще. Но изучение этой истории – задача особая, не входящая в рамки данной работы.

Многие положения Сунь-цзы, вероятно, вызовут у читателя-специалиста ассоциации с отдельными мыслями и даже с общими взглядами тех или иных писателей по вопросам военного искусства или полководцев различных стран. Но автор настоящей работы этого не затрагивает: во-первых, это – особая тема, выходящая за рамки настоящей работы, а во-вторых, автор не является специалистом по истории военно-теоретической мысли и не считает себя вправе делать какие бы то ни было сопоставления и выводы в этой области. По его мнению, это могут сделать и, как автор надеется, сделают наши военные специалисты, осветив, таким образом, место Сунь-цзы в истории древней военно-теоретической мысли и древнего военного искусства. Именно для такой совершенно особой работы автор и дает свой материал.

Автор не имел также возможности указать, как изучался трактат Сунь-цзы в кругах военных специалистов в Китае и Японии в Новейшее время. Автор знает, что трактат Сунь-цзы входил в систему военного образования этих стран, и обращает на этот факт внимание своих читателей-специалистов. Более того, именно этот факт и заставил автора взяться за изучение этого древнего памятника. Но исследование того, что именно из воззрений Сунь-цзы вошло в военную доктрину правящих кругов империалистической Японии, старого императорского и гоминь-дановского Китая, не входило в задачу автора, так как это также является темой особой работы, требующей для своего освещения специальных знаний, которыми автор не располагает. Но именно для того, чтобы помочь соответствующим специалистам разобраться в этом вопросе, автор и проделал свою историко-филологическую работу.

Эти разъяснения необходимы для того, чтобы заранее предупредить читателя о том, что именно автор считал входящим в задачу его труда и что он мог в нем дать в меру своих возможностей.

В заключение автор позволяет себе выразить надежду, что предлагаемый материал окажется небесполезным для историка военно-теоретической мысли. И если Сунь-цзы будет включен у нас в число авторов, более подробно изучаемых в плане истории военной науки, цель данной работы будет достигнута. Сунь-цзы на это имеет право не только потому, что он основоположник и важнейший классик старой военной науки в Китае и Японии, не утративший своего значения и в наше время, но и потому, что он наиболее древний из военных писателей мира, мысли которого дошли до нас в форме более или менее законченного трактата.

*Н. Конрад
Июнь 1949 г.
Москва*

Введение

1. Трактат Сунь-цзы

Как известно, основным и, в сущности, единственным по своему значению источником наших сведений о Сунь-цзы является его биография, помещенная Сыма Цянем (145–86/74) в его «Ши-цзи» – «Исторических записках». В них сообщается, что имя Сунь-цзы было У, что родился он в царстве Ци, служил одно время в царстве У в качестве военачальника, затем вернулся в родное царство и там вскоре умер.

Эта биография не имеет особого значения для науки, так как рассказы о Сунь-цзы, которые в ней приводятся, по своему характеру относятся скорее к историческим анекдотам, создавшимся вокруг имени знаменитого стратега древности, чем к историческим фактам. Собственно говоря, приводится лишь один, ставший хорошо известным рассказ: о демонстрации Сунь-цзы – во время пребывания его в царстве У – своего искусства на примерном сражении двух отрядов, составленных из царских наложниц. Этот рассказ изложен в комментариях к VIII главе и, конечно, интересен только как иллюстрация того, как представляли себе последователи Сунь-цзы некоторые положения его учения, в данном случае – положение об абсолютной власти полководца, когда он на войне, – иллюстрация, ради большей значительности соединенная с именем автора. Был ли этот случай в действительности, это не имеет никакого значения. Для науки в этой биографии важно только то, что из нее мы узнаем о времени жизни Сунь-цзы, о том, что он был стратег – полководец или военный советник на службе в царстве У и что он был, кроме того, автором трактата, вошедшего в историю китайской культуры под его именем.

Время жизни Сунь-цзы определяется данными этой его биографии. Как передает Сыма Цянь, главная деятельность Сунь-цзы протекала в царстве У в то время, когда там правил Хо-люй. Если следовать принятой хронологии, правление Хо-люя падает на 514–495 гг. до н. э. Таким образом, мы можем установить самое важное для нас – эпоху, в которую Сунь-цзы жил: это конец так называемого периода Чуньцю (770–403).

Это обстоятельство уже само по себе проливает свет на его личность. Сунь-цзы находился на службе у князя Хо-люя, согласно Сыма Цяню, в качестве полководца, и в качестве такового он действовал с большим успехом. Сыма Цянь сообщает, что Сунь-цзы разгромил царство Чу, находившееся к западу от У, овладел даже его столицей – городом Ин; на севере нанес поражение двум другим царствам – Ци и Цзинь. Именно его победам царство У обязано усилением своего могущества и укреплением своего положения среди прочих царств. Находившееся на юго-восточной окраине тогдашнего Китая, это владение считалось «варварским» и сначала не входило в качестве полноправного члена в систему владений, из которых слагалось государство того времени, возглавляемое царями династии Чжоу. Лишь после побед Сунь-цзы владетель этого царства вошел в состав «чжухоу», т. е. официально признаваемых правителей самостоятельных владений.

В сообщениях Сыма Цяня исторически достоверным является все, кроме того, что относится непосредственно к Сунь-цзы. Факт разгрома войсками У царства Чу, и притом именно в эти годы, подтверждается сведениями, содержащимися в «Цзо-чжуань». Но в рассказе «Цзо-чжуань» говорится о царе и ни словом не упоминается о полководце. Естественно, что в связи с этим появляется сомнение в правдивости вообще тех сведений о Сунь-цзы, которые даются Сыма Цянем. Однако никак нельзя делать того вывода, что Сунь-цзы вообще на службе у князя Хо-люя не состоял. Один из исследователей «Сунь-цзы» считал, что Сунь-цзы как наемный полководец, человек из другого царства, мог не стоять офици-

ально во главе войск, что главнокомандующим мог считаться сам князь. Это объяснение очень правдоподобно, так как в те времена случаи нахождения во главе войск отдельных царств таких наемных военачальников были далеко не единичны, достаточно вспомнить биографию того же У-цзы. Вернее всего, что князь действительно сам стоял – по крайней мере официально – во главе своих войск, а Сунь-цзы, фактически руководивший военными действиями, числился у него либо кем-то вроде военного советника, либо помощником главнокомандующего. Поэтому и вся слава победоносного похода была отнесена к князю, и в «Цзо-чжуань» именно эта версия и передана. Таким образом, отсутствие имени Сунь-цзы в «Цзо-чжуань» вовсе не означает недостоверности рассказа Сыма Цяня в части, касающейся Сунь-цзы, тем более что в других источниках указывается, что именно Сунь-цзы был героем этих побед. Так, например, в трактате «Вэй Ляо-цзы», относящемся, скорее всего, к IV в. до н. э., т. е. не столь отдаленном по времени от Сунь-цзы, содержатся такие слова: «Был человек, который имел всего 30 000 войска, и в Поднебесной никто не мог противостоять ему. Кто это? Отвечаю: Сунь-цзы» («Вэй Ляо-цзы», гл. III, с. 8).² Поэтому рассказ Сыма Цяня в этом пункте следует считать, по-видимому, достоверным. Вообще это также не имело бы особого значения, если бы роль Сунь-цзы как полководца, т. е. сведения о его профессии, не имела отношения к вопросу понимания и оценки учения, изложенного в трактате под его именем.

Принадлежит ли этот трактат самому Сунь-цзы? Вот первая проблема, имеющая большое значение, Впрочем опять-таки не столько потому, что нам важна именно эта принадлежность как таковая, а потому, что таким способом определяется время трактата.

Сыма Цянь дает на это совершенно точный положительный ответ. В его биографии Сунь-цзы князь Хо-люй, обращаясь к своему полководцу, говорит: «Я прочитал Ваши 13 глав» – и вся обстановка разговора свидетельствует о том, что речь идет о сочинении, которое Сунь-цзы написал для князя. Эта фраза и есть первое упоминание о трактате, носящем имя Сунь-цзы.

Второе упоминание содержится в «Хань-шу» – «Истории Ханьской династии», в отделе «Ивэнь-чжи», в разделе «Цюань моуцзя». В этом разделе говорится о сочинении, называвшемся «Законы войны Сунь-цзы» («Сунь-цзы бин фа») и состоявшем из 82 глав текста и 9 свитков планов.

Оставляя пока в стороне вопрос о количестве глав, следует сказать, что это свидетельство имеет значение не менее важное, чем свидетельство Сыма Цяня. Несомненно, что составители «Ханьской истории» работали независимо от автора «Исторических записок». Несомненно, что, делая обзор сочинений по военному искусству, известных в то время, они регистрировали тот материал, который действительно существовал. Следовательно, авторство Сунь-цзы признавалось не только Сыма Цянем, но и другими авторитетными историками. При этом характерно, что никаких других авторов никогда не называли – ни в период Хань, ни позже. Все это свидетельствует, что Сыма Цянь, первый, упомянувший об этом авторстве, по-видимому, прав.

О времени создания трактата можно судить и по его содержанию. Ряд данных связывает этот трактат с так называемой колодезной системой. Термин «цю-и», встречающийся во II главе, лучше всего толкуется в свете этой системы. Упоминание в XIII главе о 700 000 дворах, страдающих от войны при мобилизации стотысячной армии, также может быть объяснено условиями этого вида земледельческой общины. Все данные, касающиеся боевого порядка армии, отражают общие принципы именно этой системы (об этом см. комментарий к V главе). А о том, что построение армии, выводимое из данных этого трактата, было в основных чертах общепринятым в Древнем Китае, свидетельствует другой трактат по военному искусству, возникший в IV в. до н. э., – трактат У-цзы. Следовательно, если даже в то

² Все ссылки на страницы здесь и в дальнейшем имеют в виду издание «Семикнижия» в серии «Камбун тайкэй», т. XIII.

время строй армии еще отражал принципы колодезной системы, то тем более правдоподобным является, что это отражение имело место раньше, в VI в. до н. э., т. е. во времена Сунь-цзы. Другие военные трактаты, говорящие о военном деле в древности, также содержат ряд терминов и выражений, вполне укладывающихся в условия колодезной системы. Таково, например, сообщение «Сыма фа» (IV в. до н. э.) о строении общины, не говоря уже об упоминаниях об этой системе в более поздних трактатах вроде «Диалогов» Ли Вэй-гуна (VII в.). Некоторые комментаторы, как, например, Чжан Юй, также ссылаются в примечаниях к XIII главе на колодезную систему. Поэтому если признавать факт существования этой системы в Древнем Китае вообще,³ то эти упоминания о ней в трактате Сунь-цзы проливают свет и на время появления трактата. Колодезную систему относят к периоду Чжоу, главным образом к началу его. Предполагают, что во времена Чуньцю эта система стала уже приходить в упадок. Поэтому если в трактате отражается именно эта система, значит он появился тогда, когда она еще в какой-то мере существовала. Таким образом, конец VI – начало V в. до н. э. является вполне возможным временем появления трактата Сунь-цзы.

Есть еще одно место в трактате, которое более точно говорит о времени его возникновения. В XI главе заходит речь о «гегемоне» (ба), его армии, его действиях. Из истории же нам известно, что такие гегемоны появились именно в период Чуньцю. К VII в. до н. э. относятся имена пяти известных гегемонов: циского Хуань-гуна, сунского Сян-гуна, цзиньского Вэнь-гуна, циньского Му-гуна и чуского Чжуан-гуна; в VI–V вв. до н. э. к ним присоединяются имена усского Хо-люй-гуна, юэского Гоу Цзянь-вана.⁴ Из трактата явствует при этом, что автор говорит о гегемонах не в плане исторических воспоминаний, а как о явлении своего времени. Кроме того, он имеет в виду войну большого масштаба, т. е. такую, какую вели в те времена именно подобные завоеватели. Поэтому вполне вероятно, что этот трактат был создан именно в период этих гегемонов, т. е. в VII–VI вв. до н. э. Таким образом, свидетельство Сыма Цяня о том, что трактат был написан для усского князя Хо-люя, т. е. одного из позднейших гегемонов, не только хорошо согласуется с этим общим выводом и тем самым подтверждает его, но и уточняет время появления трактата: им оказываются годы правления этого князя – 514–495.⁵

Лишний раз подтверждает и дату трактата, и место его возникновения упоминание в главе VI о царстве Юэ как о стране, враждебной царству У: «Пусть у юэсцев войск и много, что это может дать им для победы?» Такую фразу мог написать только человек, живший в царстве У в те времена, когда оно враждовало с Юэ. Наиболее ожесточенная фаза этой борьбы приходится как раз на конец VI – начало V в. до н. э. Время правления Хо-люя вполне к этой обстановке подходит.

Во всех известных нам изданиях трактата имеется один пункт, который как будто набрасывает тень сомнения на время появления трактата, а следовательно, и на его принад-

³ Как известно, многими историками существование «колодезной системы» подвергается сомнению независимо от истолкования ее сущности. Автор полагает, что совокупность известных нам исторических свидетельств, содержащихся в различных источниках, делает существование древней земледельческой общины, получившей впоследствии наименование «колодезного поля» (цзинь тянь), несомненным. Необходимо только раскрыть характер этой общины. Вопрос этот в настоящей работе, естественно, освещен быть не может, как выходящий за ее рамки, но автор надеется, что приведенные им указания на наличие сведений об этой системе, дающихся при этом в ином контексте, чем в «Чжоу-ли», побудят наших историков – специалистов по Древнему Китаю – снова заняться этим вопросом, что особенно важно после имевших до сих пор место крайне неудачных попыток истолкования исторического содержания этой системы.

⁴ См: Конрад Н. И. Избранные труды. М., Наука, 1977. С. 393–400.

⁵ Чжэн Линь, издавший в 1945 г. в Чунцине текст «Сунь-цзы» в сопровождении сделанного им же английского перевода, считает возможным дать даже точную дату появления трактата – 510 г. до н. э. (The Art of War. Military Manual written cir. B. C. 510. The original Chinese Text appended. Translated with an Introduction by Cheng Lin. Chungking. World Encyclopedia Institute. China Section.)

лежность Сунь-цзы. Это – иероглиф 常 в названии горы 常山, упоминаемой в главе XI. Из других источников нам известно, что название этой горы в древности писалось иероглифом 恒, замененным после смерти ханьского императора Вэнь-ди (179–157) тождественным по смыслу иероглифом 常. Причиной замены послужило то обстоятельство, что иероглиф 恒 вошел в состав посмертного имени этого императора и, таким образом, стал табу. Следовательно, как будто бы получается, что, поскольку в трактате название этой горы пишется иероглифом 常, постольку ясно, что и сам трактат мог появиться только после смерти Вэнь-ди, т. е. не ранее II в. до н. э.

Однако такой вывод очень хорошо отвел еще Сорай, резонно заметивший, что такое написание, несомненно, должно быть во всех изданиях трактата, появившихся после Вэнь-ди, но что оно могло быть совершенно другим в списках, обращавшихся до Вэнь-ди.

Мы же, не располагающие древними списками трактата, видим поэтому только то написание, которое установилось после Вэнь-ди. Поэтому этот факт – при наличии всех прочих данных – не может поколебать дату появления трактата.

Следующая проблема, связанная с трактатом, – это вопрос о его составе. Как уже указывалось, мы имеем на этот счет две различные версии: версию Сыма Цяня, говорящую о 13 главах, и версию «Ханьской истории», говорящую о 82 главах. Все известные нам комментаторы, начиная с наиболее раннего – Цао-гуна (вэйского У-ди, 155–220), имели дело с 13 главами. Никаких следов трактата с большим количеством глав пока не найдено.

Что же значит это упоминание о 82 главах, указываемых «Ханьской историей»? Никаких объяснений этому, кроме догадок, нет. Можно предполагать, что большинство глав исчезло и до нас дошла лишь небольшая часть – 13 из 82. Но такое предположение опровергается тем, что более раннее сведение, даваемое Сыма Цянем, говорит о 13 главах. Есть и другое мнение, будто бы эти 13 глав получились в результате редакторской работы, произведенной над наследием Сунь-цзы Цао-гуном; он будто бы удалил все лишнее, не относящееся к делу, убрал все повторения и, таким образом, свел весь текст к 13 главам. Такое предположение малоприемлемо уже потому, что трудно допустить, чтобы в трактат Сунь-цзы попало столько постороннего материала, что понадобилось выбросить свыше 80 % всего текста. К тому же, если бы и было что-нибудь похожее на это, о нем сказал бы сам

Цао-гун в предисловии к своему комментарию. А кроме того, наличие более раннего свидетельства – Сыма Цяня – о 13 главах также опровергает такое предположение.

Есть попытки примирить обе эти версии. В «Ши-цзи чжэн-и», со ссылкой на «Ци лу» Лю Сяна (77–6 гг. до н. э.), говорится, что трактат Сунь-цзы состоял из трех частей и что 13 глав составляли первую часть. Однако это сообщение не имеет никаких, даже косвенных, подтверждений. Если бы существовали, как утверждает «Ши-цзи чжэн-и», еще две другие части, то о них сказали бы и Сыма Цянь, и Цао-гун, предисловие которого к его комментарию до нас дошло. Таким образом, единственно правдоподобной, подкрепляемой всеми до нас дошедшими списками трактата остается версия Сыма Цяня, тем более что он выражается достаточно категорически. «Обо всем, что в мире называется войском, обо всем сказано в 13 главах “Сунь-цзы”».

Но откуда все же взялись 82 главы, указываемые «Ханьской историей»? Несомненно, составители этой истории сообщали то, что действительно было. Следовательно, какие-то 82 главы все же существовали. На этот вопрос можно ответить пока только предположениями.

Существует предположение, согласно которому в период Чжаньго основной трактат, состоящий из 13 глав и принадлежащий самому Сунь-цзы, оброс целой массой всяких дополнений, написанных позднейшими авторами. Поэтому 82 главы «Ханьской истории» имеют в виду трактат со всеми его приложениями. Из этого предположения, очевидно, следует, что эти последующие приложения впоследствии отпали.

Это предположение не лишено правдоподобия, и можно было бы даже привести кое-что в его пользу. Цао-гун в предисловии к своему комментарию говорит, что трактат Сунь-цзы был загроможден всяческими толкованиями, которые не только не разъяснили мысли Сунь-цзы, но, наоборот, совершенно затемнили их, и что его задачей было показать мысли Сунь-цзы в их истинном содержании. Таким образом, представляется несомненным, что до Цао-гуна было уже много комментариев трактата или добавлений к нему, и они, вероятно, одно время и фигурировали вместе с ним. Показ же действительных мыслей Сунь-цзы, что поставил себе задачей Цао-гун, может быть, заключался не только в том, что он написал свое толкование, но и в том, что он отделил сам трактат из 13 глав от всяких к нему дополнений.

Возможно и другое предположение. Не имеет ли место в данном случае разный счет глав? Если взять трактат У-цзы, то мы увидим, что в нем большие разделы – «бянь») подразделяются на мелкие – «чжан»). Если не считать «Введения», больших разделов насчитывается пять, они же состоят из 35 мелких. Таким образом, если за единицу взять маленький раздел, нужно считать трактат У-цзы состоящим не из пяти глав (кроме «Введения»), а из 35. В среднем на каждую большую главу падает семь маленьких. Если допустить, что и трактат Сунь-цзы был одно время подразделен на маленькие главки, что вполне допустимо по содержанию каждой главы, и взять эту пропорцию 1:7 или 1:6 (если считать в трактате У-цзы за отдельную главу и «Введение»), то должно получиться на месте 13 больших глав 91–78 маленьких главок, т. е. цифра 82, сообщаемая «Ханьской историей», становится вполне возможной. А о том, что и маленькие главки, размера «чжан» трактата У-цзы, могли называться главами – «бянь» и служить главными единицами подразделения, свидетельствует трактат «Вэй Ляо-цзы», главы (бянь) которого не превышают размеры «чжан» трактата У-цзы.

Таким образом, наиболее вероятно то, что 13 глав, о которых упоминает самое раннее свидетельство, и составляют подлинный размер трактата.⁶

Эти 13 глав дошли до нас в многочисленных изданиях комментаторов. Как уже было сказано, наиболее ранним из всех дошедших до нас комментариев является комментарий вэйского Цао-гуна (155–220). Более древние комментарии, о которых упоминает автор в своем предисловии, до нас не дошли. Трактат усиленно комментировался и после Цао-гуна. В правление сунского Шэнь-цзуна, в годы Юань-фэн (1078–1085) на «Сунь-цзы», как и на прочие сочинения по военному искусству, было обращено особое внимание, и этот трактат вместе с прочими трактатами составленного тогда «Семикнижия» вошел в число предметов, обязательных при сдаче государственных экзаменов для поступления на военную службу. В связи с этим был произведен отбор комментаторов, являвшихся наиболее авторитетными. Таких оказалось десять: вэйский Цао-гун (155–220); лянский Мэн-ши (первая половина VI в.); танские: Ли Цюань, Ду Му (803–852), Чэнь Хао, Цзя Линь; сунские: Мэй Яо-чэнь (1002–1060), Ван Чжэ, Хэ Янь-си, Чжан Юй. Этот отбор был произведен сунским Цзи Тянь-бао, который выпустил издание трактата со сводным комментарием этих десяти авторов. Это издание и стало основным для всего последующего изучения «Сунь-цзы». Обычно к этим десяти комментаторам присоединяют и знаменитого автора «Тундянь» – Ду Ю (ум. в 812 г.),

⁶ Конечно, этим не снимается вопрос о подлинности самого текста этих глав. Здесь можно лишь указать на то, что другой, сколько-нибудь значительно отличной версии текста трактата, помимо нам известной, китайцы не знали и не знают. О незначительных отличиях разных изданий, а также о вызывающих сомнение в подлинности местах текста см. в соответствующих местах «Комментария».

который в «Военном отделе» этой своей энциклопедии цитирует Сунь-цзы и высказывает свои замечания по поводу тех или иных мест.

Наиболее распространенное из всех изданий этого сводного комментария – цинское, вышедшее под редакцией Сунь Син-яня (1753–1818) и У Жэнь-цзи. Оно воспроизведено – вместе с прочими трактатами «Семикнижия» – в современном печатном виде в 1912 г. в Японии в составе XIII тома серии китайских классиков «Камбун тайкэй». С этого издания и сделан перевод трактата. При этом все важнейшие варианты текста, изъятые цинской редакцией из более ранних изданий, приведены и объяснены в «Комментарии».

Из позднейших толкований широкой известностью пользуется комментарий минского Лю Иня, написанный в качестве пособия для готовящихся к государственным экзаменам. Этот комментарий вошел в состав «Семикнижия», изданного под редакцией и с комментариями Лю Иня в 1398 г. Довольно известен также комментарий Ши Цзы-мэя.

Трактат Сунь-цзы очень много комментировался и в феодальной Японии.

Главнейшими комментариями являются комментарий Хираяма Юкидзо – «Сонси сэттю», 1799 г., комментарий Сато Иссай – «Сонси фукусэн», 1842 г., комментарий Бу-цу (Огю) Сорай – «Сонси кокудзикай» 1750 г., и комментарий Ямага Соко (1622–1685) – «Сонси энги». Из них наибольшей близостью к мысли Сунь-цзы отличается, по нашему мнению, комментарий Сорая, неоднократно цитируемый в настоящей работе. Сорай (1666–1728) был в феодальной Японии второй половины XVII – начала XVIII в. ярким представителем политической и философской оппозиции, ведшей борьбу с официальной схоластической и догматической идеологией режима Токугава, построенной на учении крупнейшего философа средневекового Китая – Чжу Си (XII в.). Сорай стремился найти оружие против этого учения в истории китайской философской мысли и обратился с этой целью к тому, что можно было противопоставить учению Чжу Си: к древности, к самим истокам китайской философии. Это и делало его знатоком литературы Древнего Китая. Поскольку же он обратился не к ставшей впоследствии канонической конфуцианской линии – к «Лунь-юю» и «Мэн-цзы», а к независимой от конфуцианства линии, представленной наивным материалистом Сюнь-цзы, постольку он и оказался близок именно к тому направлению древней китайской мысли, которое было более всего связано с процессом объединения раздробленной на самостоятельные владения страны в единое мощное государство, построенное на совершенно иных началах, чем идеализируемая конфуцианством чжоуская монархия.

Из новых японских комментариев, изданных в последнее время, следует отметить комментарий Кита-мура Каицу – «Сонси кайсэцу» комментарий Коды Рэнтаро и Оба Яхэй – «Сонси-но хёхо», 1935 г., и комментарий Фудзицука Тикаси и Мори Сай-сю – «Сонси син-сяку», 1943 г.

2. Трактат Сунь-цзы и «Семикнижие»

Многовековая история трактата Сунь-цзы определила и его место в системе старой китайской культуры. Во времена Сунской династии, в годы Юань-фэн (1078–1085) правления императора Шэнь-цзуна, когда окончательно определился состав так называемого «Семикнижия», т. е. собрания семи классических сочинений по военному искусству, этот трактат не только был включен в него, но и занял в нем почтеннейшее место. Эти семь сочинений следующие: «Лю тао», «Сунь-цзы», «У-цзы», «Сыма фа», «Сань люэ», «Вэй Ляо-цзы», «Ли Вэй-гун вэньдуй».

Согласно старой китайской традиции возводить все просвещение и культуру к каким-нибудь древним источникам, большинство этих трактатов считались либо прямо исходящими от какого-нибудь героя древности, либо передающими его учение. Так, «Лю тао» возводится к Тай-гун Вану, иначе – Люй Шану, считающемуся сподвижником чжоуского Вэнь-вана (1231–1135) и У-вана (1122–1115). «Сыма фа» связывается с именем Сыма (Тянь) Жан-цзюй – полководца времени циского Цзин-гуна (547–490). Трактат «Сунь-цзы» (возводится к полководцу времен усского Хо-люя (514–495)). Трактат «У-цзы» приурочивается к полководцу времен вэйского Вэнь-хоу (408–387) и У-хоу (386–371). Трактат «Вэй Ляо-цзы», названный так по имени его предполагаемого автора, связывается с лицом, живущим, как думают, во времена лянского Хой-вана (370–335). «Сань люэ» приписывается Хуан Ши-гуну (III в. до н. э.), по преданию передавшему этот трактат Чжан Ляну (ум. в 187 г. до н. э.). Трактат «Ли Вэй-гун вэньдуй» представляет запись разговоров на военные темы тайского императора Тай-цзуна (627–649) с его полководцем Ли Вэй-гуном, т. е. вэйским гуном (герцогом) Ли Цзином (571–649).

Историческая критика давно поставила под сомнение древность некоторых из этих трактатов. Так, «Лю тао», считавшийся самым древним, на самом деле составлен, вероятнее всего, во времена Вэйского и Цзиньского царств (III–IV вв.), скорее даже несколько позже, т. е. в условиях развитого феодального строя. «Сань люэ» считается возникшим в период Суй (589–618). Первоначальный текст «Диалогов» Ли Вэй-гуна считается утраченным, и тот, которым мы располагаем, представляет восстановление оригинала главным образом по материалам, сохранившимся в «Тун-дянь» – известной энциклопедии Ду Ю. Таким образом, к рабовладельческому периоду относятся только четыре трактата: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы» и «Сыма фа». Из них происхождение последнего трактата также подвергается сомнению и со стороны эпохи, и со стороны автора; есть мнение, что этот трактат появился не во времена циского Цзин-гуна (547–490), а Вэй-вана (373–343) и составлен не Сыма Жан-цзюем, а другим лицом, хотя и излагает положения военного искусства, выработанные в свое время Сыма Жан-цзюем. О трактате и личности Вэй Ляо-цзы вообще никаких сведений нет, но, так как в его тексте упоминается лянский (вернее, вэйский) князь Хой-ван, полагают, что это сочинение возникло во времена этого князя, т. е. в IV в. до н. э. Трактат «У-цзы», названный именем знаменитого полководца IV в. до н. э., также не является непосредственно его произведением, а содержит только запись его высказываний и рассуждений, сделанную кем-либо из его современников после его смерти.

Таким образом, по наиболее вероятной древности происхождения эти трактаты располагаются в следующем порядке: 1. «Сунь-цзы» (Чуньцю, VI–V вв. до н. э.). 2. «У-цзы» (Чжаньго, IV в. до н. э.). 3. «Сыма фа» (Чжаньго, IV в. до н. э.). 4. «Вэй Ляо-цзы» (Чжаньго, IV в. до н. э.). 5. «Лю тао» (Вэй – Цзинь, III–IV вв. н. э.). 6. «Сань люэ» (Суй, VI–VII вв. н. э.). 7. «Ли Вэй-гун вэньдуй» (Тан, VII в. н. э.).

Как видно из вышеприведенного, первоначальный порядок «Семикнижия» был следующий: 1. «Лю тао». 2. «Сунь-цзы». 3. «У-цзы». 4. «Сыма фа». 5. «Сань люэ». 6. «Вэй Ляо-

цзы». 7. «Ли Вэй-гун вэньдуй». Считать такое расположение хронологическим нельзя ни с точки зрения воображаемой, ни с точки зрения действительной хронологии. Если расположить эти трактаты по приписываемой им древности происхождения, нужно было бы «Вэй Ляо-цзы» поставить перед «Сань люэ». Если расположить по более или менее достоверной хронологии, нужно было бы «Лю тао» поставить перед «Диалогами» Ли Вэй-гуна.

Впоследствии этот первоначальный порядок, однако, был изменен. В указанном сунском издании «Семикнижия», отредактированном Чжу Фу (ум. около 1086 г.), все трактаты располагаются так:

1. «Сунь-цзы». 2. «У-цзы». 3. «Сыма фа». 4. «Вэй Ляо-цзы». 5. «Ли Вэй-гун вэньдуй». 6. «Сань люэ». 7. «Лю тао». Этот порядок также не удовлетворяет ни первой, ни второй хронологии. Если предположить, что редактор исходил из признаков достоверности авторства, т. е. помещал те трактаты, которые считал написанными самими авторами, а затем те, которые только излагают записанное другими учение этих авторов, то и этот порядок оказывается не соблюденным. В таком случае трактат У-цзы нужно было бы поместить на другом месте, так как он, несомненно, не написан самим У-цзы. Но, так или иначе, этот порядок был принят, и все известные нам издания «Семикнижия» – вплоть до современных – его соблюдают.

Не объясняется ли этот порядок желанием редактора расположить трактаты по степени их важности, по их историческому значению, так, как оно выяснилось в его время? Последующая история вполне подтвердила этот порядок, если подходить к нему с этой точки зрения. Всякий историк китайской культуры знает, что на первом месте среди этих классиков стоят «Сунь-цзы» и «У-цзы», причем первый неизменно впереди второго. Это – два столпа теории военного искусства в Китае. Далее, судя по комментариям к тому же «Сунь-цзы», мы видим, какое большое значение имели трактаты «Сыма фа» и «Вэй Ляо-цзы». Например, Чжан Юй, когда ему нужно привести что-либо из других сочинений по военному искусству, прежде всего обращается к этим двум трактатам. Точно так же широко цитируется «Ли Вэй-гун вэньдуй». Так что первые пять трактатов, безусловно, расположены в порядке исторически установившейся репутации особой значительности их содержания и важности их роли в истории военно-теоретической мысли в Китае. Два последних трактата – «Сань люэ» и «Лю тао» цитируются меньше всего. И действительно, достаточно хотя бы бегло ознакомиться с их содержанием, чтобы увидеть, что они – очень ценные с точки зрения фактического материала – не могут идти в сравнение со всеми предыдущими по богатству именно теоретической мысли. Таким образом, очень возможно, что этот порядок есть дело рук редактора, знатока истории военной мысли в Китае, и поэтому сам по себе является показательным для современного исследователя.

В заключение отметим, что это «Семикнижие» получило название «У-цзин» (т. е. «классических книг по военному искусству»). Иначе говоря, к ним стал прилагаться тот же термин «цзин», которым обозначались канонические книги, особенно книги конфуцианского канона, в первую очередь «Пятикнижие», т. е. «И-цзин», «Шу-цзин», «Ши-цзин», «Ли-цзи» и «Чуньцю». В Китае это служило наилучшим показателем важности таких книг. История подтвердила эту оценку. Эти трактаты действительно стали классическими в истории военно-теоретической мысли старого Китая, а первое место среди них та же история безоговорочно отвела трактату Сунь-цзы.⁷

⁷ О «Сунь-цзы» см.: *Срезневский*. Инструкция китайского полководца Сунт-се подчиненным ему генералам. Военный сборник 1860 г., т. XIII; *Путята*. Принципы военного искусства в толковании древних китайских полководцев. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии 1889 г., т. XXXIX; *Amiot*. Les treize Articles sur l'art militaire, в общей работе «Art militaire des Chinois». Paris, 1772, 1782. *Lionel Giles*. Sun Tzu, on the Art of War. The oldest military Treatise in the World. London, 1910. Pennsylvania, 1944.

3. Задачи работы

Выше было показано, что с теми данными, которыми мы располагаем в настоящее время, нет оснований сомневаться, что трактат, известный под именем «Сунь-цзы» и вошедший в историю китайской культуры как первая книга классического военного «Семикнижия», возник в конце VI – начале V в. до н. э.

Сыма Цянь, первый упомянувший об этом трактате, был уверен в том, что он принадлежит некоему полководцу времен Чуныцю, вошедшему в историю под именем Сунь-цзы; уверен настолько, что даже сообщил биографические сведения о нем. Это также имеет значение, но для нас – только как указание на ту общественную среду, в которой этот трактат возник. Был ли автором трактата тот самый полководец, о котором пишет Сыма Цянь, или какой-либо другой, само по себе не так важно; важно лишь то, что Сыма Цянь автором трактата назвал полководца, находившегося на службе у одного из царей периода У ба, т. е. представителя определенных общественных кругов и определенной профессии.

Таким образом, выясняется база изучения «Сунь-цзы»: время происхождения памятника – VI–V вв. до н. э., а также среда, в которой он возник, – самостоятельное рабовладельческое царство в условиях развивающейся борьбы за гегемонию, где немалую роль играли профессионалы-стратеги, бывшие характерными фигурами той эпохи.

Иначе обстоит дело с текстом трактата. Может ли считаться тот текст, с которого сделан настоящий перевод, действительно возникшим в VI–V вв. до н. э.? Ответить на этот вопрос трудно.

В самом деле: настоящий перевод сделан с цинского издания трактата, т. е. с издания XVIII в.; мы знаем, что в основу этого издания была положена та редакция текста, которая была сделана в Сунскую эпоху, в конце XI в.; знаем, что в отдельных извлечениях этот же текст дается и в энциклопедии «Тундянь», т. е. существовал в таком виде в конце VIII – начале IX в.; знаем, наконец, что, по всей вероятности, этот текст установил Цао-гун, т. е. Цао Цао – вэйский император У-ди, полководец и литератор II–III вв.

Но дальше? Что существовало до III в.? Был ли текст, существовавший до этого времени, тот же по содержанию и объему? Цао-гун, являющийся автором наиболее древнего из дошедших до нас комментариев трактата, пишет в своем предисловии, что он произвел большую редакторскую работу над текстом памятника: устранил все позднейшие наслоения и установил первоначальный текст трактата. Таким образом, можно думать, что текст памятника – по крайней мере в основном – дошел до нас в редакции III в. Каково же отношение этой редакции к более ранним версиям текста? Ответить на этот вопрос можно лишь предположениями.

Было бы большим заблуждением безоговорочно и огульно утверждать, что ученые старого Китая, занимавшиеся исследованием памятников древней письменности, те самые, которых принято называть «комментаторами», только тем и занимались, что фальсифицировали попадавшие в их руки древние памятники. Конечно, такие случаи бывали, и многие из них нам хорошо известны. Но в то же время известно и другое: исключительная добросовестность, с которой работали многие знатоки древней письменности. Мы хорошо знаем, что изучение (особенно филологическое) древних памятников было настолько глубоким, что требовало от лиц, этим занимавшихся, узкой специализации на одном каком-либо памятнике. Так было в китайской филологической науке времен Хань. Поэтому нет ничего невозможного в том, что Цао Цао действительно постарался установить по возможности наиболее ранний текст трактата. Трудно сказать, весь ли это текст, но, во всяком случае, то, что мы имеем, безусловно несет на себе отпечаток эпохи Чуныцю, точнее – периода У ба («Пяти гегемонов»).

Наше исследование отнюдь не ставит своей задачей выяснить этот вопрос. Мы коснулись его лишь в необходимых пределах, главным образом для того, чтобы с самого же начала отвести возможные требования читателя и критики. Читатель должен знать, что истории текста трактата он в предлагаемой работе не найдет. Автор этой работы знает, что другого признанного текста «Сунь-цзы» история китайской культуры пока не имеет, что для Китая существует именно этот самый текст. И еще одно обстоятельство автор просит иметь в виду. Принимая во внимание только что сказанное – культурно-историческое значение именно этой редакции трактата, автор считает, что главной задачей исследования является: понять и оценить учение, которое в дошедшем до нас тексте содержится, понять и оценить в свете его эпохи и среды. Этой задаче в основном и посвящена аналитическая часть работы – «Комментарий».

Автор ставил перед собой и другую задачу: он хотел понять учение, изложенное в трактате, как некую систему взглядов, пусть не всегда отчетливо изложенную, но все же систему, за которой скрывается определенное мировоззрение. Отдельные элементы этого мировоззрения вскрываются по ходу дела в «Комментарии».

И еще одно предварительное замечание, также имеющее целью заранее устранить возможные недоразумения. В «Комментарии» приведены многочисленные примеры из военной истории Китая, описание походов, отдельных сражений. Автор ни в коем случае не берет на себя ответственность за строгое соответствие того, как это все изложено, с действительной картиной событий. Вполне возможно, что специалист по военной истории этой страны изложит и, главное, осветит эти события как-либо иначе. Но освещение этой стороны дела не являлось в данном случае нашей задачей. Мы пишем не военную историю Китая, а работу по истории военно-теоретической мысли Древнего Китая, и примеры из военной истории нас интересуют лишь в той мере, в какой они раскрывают то или иное положение Сунь-цзы. Именно этим мы и руководствовались при отборе военно-исторических иллюстраций. При этом все эти события интересуют нас именно в той интерпретации, которая имеет целью иллюстрировать примером какое-либо правило или мысль Сунь-цзы. Мысль «Сунь-цзы», т. е. идеи того памятника под этим именем, который дошел до нас, истолкованные исторически, в свете его эпохи, – вот не только основной, но и единственный объект настоящего исследования. Раскрытию этой мысли и служит весь привлеченный материал.

Трактат о военном искусстве

Глава I Предварительные расчеты⁸

1

Сунь-цзы сказал: война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять.

2

Поэтому в ее основу кладут [1] пять явлений [ее взвешивают семью расчетами и этим определяют положение].⁹

1

В комментаторской литературе существуют большие разногласия по вопросу о понимании слова «цзин». Ду Му предлагает значение «измерять». Такое толкование может быть поддержано особым, а именно техническим значением этого слова, применяемым в строительном деле; в этой области «цзин» означает: производить обмер участка, предназначенного для постройки. Поскольку такой обмер представлял первое действие строителя, то это слово получило более общий смысл: делать предварительный расчет в начале какого-либо предприятия вообще. В пользу такого понимания «цзин» говорит также возможное сопоставление этого слова со стоящим несколько дальше «цзяо», имеющим, смысл «взвешивать», в дальнейшем – «сопоставлять». Поскольку «цзяо» может считаться параллельным «цзин», постольку выходит, что слово «цзин» правильное всего перевести соотносительно слову «взвешивать» словом «измерять».

Такое толкование имеет за собой серьезные основания, но и все же останавливаясь на другом и передаю «цзин» по-русски словами «класть в основу». Основное, действительно первоначальное значение «цзин», как известно, идет из области не строительного дела, а ткацкого. Словом «цзин» обозначалась основа ткани, в противоположность слову «вэй», которым обозначался уток. При этом, согласно технике самого процесса тканья, основа, т. е. продольные нити, остается все время тканья неподвижной, т. е. именно составляет «основу», в то время как уток, т. е. поперечные нити, на эту основу накладывается. Таким образом, в техническом языке,

⁸ Ввиду того что в разных изданиях трактата дается различная разбивка на абзацы, часто даже нарушающая единство фразы, переводчик счел себя вправе произвести свою разбивку, исходя из признака законченности той или иной мысли.

⁹ Слова, поставленные в переводе здесь и всюду, где следует, в скобки, представляют повторение таких же слов в каком-либо другом месте трактата, причем там они вполне уместны, будучи тесно связаны с общим контекстом, здесь же – явно излишни. Так, например, в данном случае эти слова повторяются несколько ниже – в п. 4, где им по содержанию и надлежит быть.

как глагол, это слово означает «ткать основу», а в общем смысле – «закладывать основу», «класть что-либо в основу». В этом именно смысле понимают «цзин» в данном месте Чжан Юй и Ван Чжэ. Что же касается параллелизма с «цзяо», то это вопрос понимания всего места в целом – по отношению к общему содержанию главы. Если переводить «цзин» параллельно с «цзяо» («взвешивать») словом «измерять», то обе фразы будут говорить о двух равных и в общем близких по смыслу действиях: войну измеряют тем-то, взвешивают тем-то. Но, как видно из всего содержания главы, – это «совершенно две разные вещи. «Пять элементов» – совершенно другое, чем семь расчетов»: и смысл другой, и форма изложения другая, и постановка вопроса иная. Поэтому здесь параллелизм не двух одинаковых или близких действий, а параллелизм двух различных действий: одно кладут в основу, с помощью другого производят расчеты». К тому же, как это указано в переводе, против непосредственного сопоставления «цзин» и «цзяо» говорит и явно ошибочное помещение фразы с «цзяо» сейчас же после фразы с «цзин».

3

Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон.

Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правитель [2], когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений [3].

Небо – это свет и мрак, холод и жар, это порядок времени [4].

Земля – это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь [5].

Полководец – это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость.

Закон – это воинский строй, командование и снабжение [6].

Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти явлениях, но побеждает тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает.

2

Слово «шан» можно было бы взять в значении «высшие», «правители». Не делаю этого потому, что в таком значении оно обычно употребляется параллельно со словом «ся» – «низшие», «управляемые»; в данном же контексте слово «шан» противопоставляется слову «минь» – «народ»; обычно же понятию «народ» противопоставляется понятие «государь», «правитель». Поэтому и беру для «шан» не «высшие», не «правительство» и не «правители» – во множественном числе, а в единственном числе – «правитель».

3

«Вей» беру в смысле глагола «и», как то делает большинство комментаторов (Цао-гун, Ду Ю, Ду Му, Чжан Юй), т. е. в смысле «иметь сомнения».

4

Выражение «ши чжи» можно понять двояко – в зависимости от того, какой смысл придать слову «чжи». Если понять его в том значении, в котором оно выступает в сложном слове «чжиду» – «порядок», строй, «система» и т. п., выражение «ши чжи» будет означать «порядок времени», «законы времени» и т. п. Возможно понять «чжи» и в духе русского глагольного имени – «распоряжение», «управление», поскольку «чжи» может иметь и глагольное значение – «распоряжаться», «управлять». Так понимает это слово Мэй Яо-чэнь, который перефразирует выражение «ши чжи» так: «справляться с этим своевременно», в нужный, подходящий момент. В трактате Сыма Фа есть выражение, очень близкое по смыслу к этому месту Сунь-цзы: «следовать за небом (т. е. за погодой. – *Н. К.*) и соблюдать время». Лю Инь, объясняя это место, дает парафраз Сунь-цзы: [...] т. е. это (т. е. данное выражение Сыма Фа. – *Н. К.*) есть то, о чем говорится (у Сунь-цзы словами. – *Н. К.*): «мрак и свет, холод и жара... справляться с этим своевременно» Кстати, этот парафраз Лю Иня выясняет, какое дополнение подразумевается при глаголе «чжи»: слово «чжи», несомненно, относится к предыдущему, т. е. к словам «мрак и свет, холод и жара». При таком толковании общая мысль Сунь-цзы может быть пересказана следующим образом: «Небо» – это атмосферические, климатические, метеорологические условия, время года, состояние погоды. С точки зрения ведения войны важно «справляться со всем этим своевременно», т. е. уметь приспосабливаться к климатическим условиям, к погоде и выбирать подходящий момент.

Я, однако, не останавливаюсь на такой расшифровке этого места текста. Мне кажется, что это место имеет определенную, четко выраженную структуру: это – определение некоторых понятий («Путь», «Небо», «Земля» и т. д.), причем раскрытие содержания этих понятий делается в форме перечисления того, что входит в их состав. При этом отдельные элементы этого перечисления самостоятельны и имеют свое содержание, а не охватывают все предыдущее. Так и здесь речь идет явно о трех вещах: о явлениях астрономического характера (свет и мрак), о явлениях метеорологических и климатических (холод и жара) и о «порядке времени», т. е. о годе, месяцах, днях, сезонах и т. д.

5

Мне очень хотелось в русском переводе передать выражения [...] каждое одним русским словом: «расстояние», «рельеф», «размер». Несомненно, что реально эти выражения это и означают. Но здесь меня остановило чисто филологическое соображение. Перевести так можно было бы в том случае, если бы эти выражения являлись отдельными словами. Мне кажется, для автора текста они были словосочетаниями. На такое заключение наталкивает последующее выражение [...], которое во всем трактате Сунь-цзы никогда не употребляется иначе, как сочетание двух самостоятельных слов. Впоследствии и оно стало одним словом «жизнь» – в том смысле, в котором мы употребляем это слово в таких фразах, как

«это – вопрос жизни», т. е. где одним словом «жизнь» разом обозначаются понятия «жизнь» и «смерть» (ср. аналогичное русское слово «здоровье», покрывающее понятия «здоровья» и «болезни»). Но, повторяю, у Сунь-цзы это все еще два самостоятельных понятия. А раз так, то по законам параллелизма и согласно общему контексту приходится считать, что и первые три выражения представляются словосочетаниями.

6

Из всех многочисленных и разноречивых толкований трудных терминов [...] выбираю толкование Мэй Яо-чэня, безусловно, ближе всего находящееся к общему конкретному складу мышления Сунь-цзы и к его стремлению стараться всегда говорить о вещах, ближайшим образом касающихся военного дела. Поэтому и останавливаюсь на таких переводах этих трех понятий: «военный строй», «командование», «снабжение».

4

Поэтому войну взвешивают семью расчетами и таким путем определяют положение. Кто из государей обладает Путем? У кого из полководцев есть таланты? Кто использовал Небо и Землю? У кого выполняются правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены? [7] У кого правильно награждают и наказывают? По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

7

Перевожу выражение [...] словом «войско», считая, что переводить каждый иероглиф в отдельности («бин» – строевой состав, «чжун» – нестроевой состав) не следует, так как, вероятнее всего, в данном случае мы имеем по-китайски одно слово, передающее общее понятие «войска» – во всем его составе.

Тут же встречаются в первый раз слова, обозначающие различные категории военных: «ши» и «цзу». Повсюду у Сунь-цзы эти слова употребляются как наиболее общие обозначения офицеров и рядовых, командиров и солдат. Ниже, в главе IX,15, а также в главе X,9 дается новый термин «ли», также противопоставляемый [...], т. е. «нижним чинам». Этот термин служит, по-видимому, обозначением командиров крупных частей, начальствующего состава армии.

В главе X, 9 – приводится и термин «дали», под которым разумеются главные из этих высших начальников, непосредственные помощники командующего, обозначаемого всюду у Сунь-цзы иероглифом «цзян».

Несомненно, по своему происхождению все эти термины не являются непосредственно военными обозначениями. Так, например, знак «ши» в древнем Китае обозначал людей, принадлежащих ко второму слою господствующего класса, вслед за [...]; иероглифом «цзу» обозначались слуги вообще, прежде всего – из рабов; иероглиф [...] применялся для обозначения лиц, принадлежащих к аппарату управления. Таким образом, эти названия не только раскрывают нам структуру древней китайской армии,

но и проливают свет на классовую сторону ее организации, по крайней мере – в ее истоках. Во времена Сунь-цзы, как об этом свидетельствует сам трактат, солдатами были отнюдь не рабы: из указания, что рекрута давал один двор из восьми, явствует, что основную массу солдат составляли члены земельной общины.

5

Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я ухожу от него [8]. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за их пределами.

8

Согласно общепринятому преданию, Сунь-цзы написал свой трактат для князя Холуй, на службе у которого он находился. Ввиду этого эти слова могут рассматриваться как прямое обращение к князю, приглашение принять методы, рекомендуемые им, и попробовать применить их на практике, причем автор считает возможным заявить, что в случае надлежащего понимания и применения его методов победа обеспечена. С целью же большего воздействия на князя Сунь-цзы прибегает к своего рода угрозе: он предупреждает, что если князь не воспользуется его советами, он от него уйдет, перейдет на службу к другому князю и таким образом лишит князя своей помощи.

Чжан Юй предлагает несколько иное толкование этой фразы: он принимает слово «цзян» не в значении «полководец», а в смысле служебного слова для обозначения будущего времени. В таком случае вся фраза получила бы по-русски следующий вид: «Если вы, князь, усвоите мои приемы, я у вас останусь, если вы их не усвоите, я от вас уйду». Однако я остановился на форме перевода, основанной на понимании слова «цзян» в смысле «полководец». Основание для этого следующее: во-первых, во всем трактате Сунь-цзы нет ни одного случая употребления этого слова в значении показателя будущего времени, во-вторых, слово «полководец» здесь вполне приложимо к князю, который сам командовал своей армией. Об этом говорит Чэнь Хао: «В это время князь вел войны, причем в большинстве случаев сам являлся полководцем».

Существует и еще одно грамматически возможное истолкование этого места: «Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их... и т. д., оставьте его у себя. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их... и т. д., удалите его». Однако мне кажется, что общая ситуация, особенно при разъяснении Чэнь Хао, делает более приемлемым понимание, данное в переводе.

6

Мощь – это умение применять тактику [9], сообразуясь с выгодой.

9

Предлагаю для очень трудного слова «цюань» в данном тексте русское «тактика», «тактический маневр», «тактический прием». Соображения, заставившие меня выбрать такой перевод, приведены в комментарии к этому месту текста, так что повторять их здесь излишне. Укажу только попутно на то, что русское слово «стратегия» я предлагаю для перевода – по крайней мере в древних военных текстах – китайского слова «моу». Только при таком переводе это слово получает вполне реальный смысл, делающий удобным и простым перевод таких словосочетаний, как, например, названия глав в трактате Вэй Ляо-цзи (глава V) и глава VI – «тактика наступления» и «тактика обороны». При таком переводе эти заглавия вполне точно передают содержания глав. В пользу этого перевода говорит и обычное обозначение военных теоретиков и писателей – «цюаньмоуцзя». Так они называются в «Ханьской истории», в отделе «Ивэнь-чжи»: «военные стратеги». «Цюаньмоуцзя» соответствует в точности русскому «стратегия», поскольку у нас понятие «стратегия» в широком смысле объединяет оба понятия – «стратегию» и «тактику», а под «стратегом» понимают и стратега в узком смысле слова, и тактика; и исторически слово «стратег», которым называли и полководца, и теоретика военного дела в Древней Греции, в точности соответствует тем лицам, о которых говорят отделы «Цюаньмоуцзя» в китайских династийных историях. Само собой разумеется, что в настоящее время для этих понятий – стратегия и тактика – в китайском языке существуют совершенно другие слова.

7

Война – это путь обмана [10]. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает.

10

Китайское [...] не вполне покрывается русским «обман». Содержание этого китайского понятия охватывает то, что мы передаем словами «обман» и «хитрость». Поэтому и те приемы, которые дальше рекомендует Сунь-цзы, частью относятся к тому, что мы называли бы обманом, частью к тому, что мы охарактеризовали бы как хитрость. Не желая давать в русском переводе два слова на место одного китайского, останавливаюсь на слове «обман», поскольку и под «хитростью» у нас разумеются не прямые и именно большей частью обманные ходы в достижении своих целей.

8

Все это обеспечивает вождю победу; однако наперед преподать ничего нельзя.

9

Кто – еще до сражения – побеждает предварительным расчетом [11], у того шансов много; кто – еще до сражения – не побеждает расчетом, у того шансов мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе. Поэтому для меня – при виде этого одного – уже ясны победа и поражение.

11

Выражение «мяосуань» имеет вполне конкретный смысл. В эпоху Сунь-цзы храм предков – «мяо», находившийся на дворцовой территории, обычно в восточной части ее, являлся помещением для важнейших собраний советников правителя. Это был, так сказать, «зал совета». Естественно, что перед войной здесь устраивался военный совет, на котором взвешивались все шансы войны и вырабатывался план действий. Поэтому выражение «мяосуань» имеет смысл «план войны, принятый на военном совете», до ее начала, т. е. предварительный план войны. Однако, поскольку на дворцовом совете обсуждали не только вопросы войны, выражение «мяосуань» имело общее значение – всякого предварительного плана, выработанного на совете; в дальнейшем же это слово стало означать план или расчет, выработанный на основании предварительного размышления или обсуждения, т. е. вообще предварительный расчет.

О том, что территория храма предков служила местом для важнейших церемоний и собраний, мы узнаем, в частности, и из трактата У-цзы, где рассказывается о пирах, устраивавшихся на дворе храма предков в честь отличившихся на службе государству (У-цзы, глава VI, 1).

Пояснения к главе¹⁰

Трактат Сунь-цзы начинается с объяснения, почему нужно изучать войну, для чего нужна военная наука вообще. Аргумент в защиту необходимости военной науки у него немногословен: «Война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели».

В чем заключается изучение войны? Сунь-цзы сейчас же переходит к программе своей науки. По его мнению, весь сложный комплекс такого явления, как война, должен изучаться прежде всего путем определения основных элементов, действующих на войне. Таких элементов, по его мнению, пять. Сунь-цзы называет их именами, для читателя его времени, очевидно, привычными и понятными. Первый элемент – моральный. Сунь-цзы называет его «Путем». Понятие «Пути» с глубокой древности

¹⁰ Здесь и далее комментарии Н. И. Конрада даются в сокращении. – Примеч. ред.

употреблялось в Китае не только в его конкретном смысле: «путь», «дорога», но и в его отвлеченном значении, причем это последнее быстро приобрело очень широкий объем.

У Сунь-цзы этот термин имеет узкоспециальное значение и употребляется для обозначения первого из условий войны. «Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений».

Именно такое единство и является, по мысли Сунь-цзы, первым условием, всю важность которого должен понять всякий, изучающий законы войны.

Необходимо отметить, что это требование представлялось совершенно обязательным не одному Сунь-цзы. Второй из прославленных стратегов Древнего Китая – У-цзы, знаменитый полководец своего времени, также в самом начале своего трактата ставит предварительным условием всякой войны внутреннее согласие, причем он понимает под этим согласие именно между властью и населением, правителем и народом: «Если государь, знающий Путь, хочет направить свой народ на войну, он прежде всего достигает согласия и только потом берется за большое предприятие» («У-цзы», гл. I,1). Как видно из этих слов, У-цзы также связывает достижение этого единства с понятием «Пути» как надлежащего, правильного – в его понимании – управления государством.

О той же необходимости единства внутри государства для победы в войне говорит и третий знаменитый военный писатель Древнего Китая, Вэй Ляо-цзы: «Войско побеждает своим спокойствием, государство побеждает своей целостностью; у кого силы разделены, те слабы», – говорит он (гл. V). Или в другом месте: «Когда есть единство – побеждают, когда все несогласны друг с другом – терпят поражение» (гл. XXIII).

При этом он, как и Сунь-цзы, указывает, что единство характеризуется отсутствием каких бы то ни было сомнений у народа, в первую очередь, конечно, сомнений в правильности действий своего правителя. Вэй Ляо-цзы объясняет, почему не допускается наличия сомнений, о чем Сунь-цзы не говорит: «Когда сердца объаты сомнениями, люди сопротивляются» («Вэй Ляо-цзы», гл. V).

Очень выразительно говорит трактат «Сань люэ»: «Если у тебя (имеется в виду правитель или полководец. – *Н. К.*) и у масс будет одна и та же любовь, никогда не будешь иметь неудачи. Если у тебя и у масс будет одна и та же ненависть, всё склонится перед тобой. Правят государством, держат в мире свой дом только потому, что обретают людей; губят государство, разрушают свой дом только потому, что утрачивают людей» («Сань люэ», с. 2).

В этом же духе высказываются и военные писатели, комментировавшие «Сунь-цзы». Например, Мэн-ши говорит о необходимости «единства между высшими и низшими», т. е. ставит вопрос несколько иначе, требуя единства между управляемыми и управляющими вообще. Он говорит о «единстве устремлений, единстве в любви и ненависти, единстве выгоды и вреда», об отсутствии у людей личных устремлений. В этих условиях «у всей миллионной массы бывает как будто бы одно сердце». Некоторые комментаторы, как, например, Цзя Линь,

прилагают это требование к армии. В этом случае место правителя занимает полководец и внутреннее единство армии есть единство полководца со своими солдатами. «Если полководец делает своим сердцем Путь (т. е. правильно управляет войском, правильно относится к солдатам. – *Н. К.*), если у него с остальными людьми одни и те же выгоды, одни и те же действия, тогда офицеры и солдаты повинуются ему и сердца их, естественно, одинаковы с сердцем их начальника». Толкование Цзя Линя, несомненно, суживает то понятие единства, о котором говорит Сунь-цзы. Ограничение единства рамками одной лишь армии отражает, по-видимому, историческую обстановку времен Цзя Линя: если в древности, в эпоху Чуньцю, и могла существовать какая-то близость между правителями и свободным земледельческим населением (но, конечно, не рабами), близость, восходящая в своих истоках к древнему племенному устройству, то в феодальном Китае времен Танской империи антагонизм между основной массой населения – феодальным крестьянством и его эксплуататорами – феодалами был настолько велик, что делал без наличия каких-либо особых условий их единство невозможным. Поэтому Цзя Линь и заговорил лишь о той среде, в которой такое единство было для правителей необходимым и в известных пределах возможным: об армии.

Второй общий элемент войны, по терминологии Сунь-цзы, носит название «Небо». Он коротко определяет, что под этим следует разуметь: «Небо – это свет и мрак, холод и жар; это порядок времени». Короче говоря, это – время, когда происходит война; время года, суток и т. д. Понять значение этого фактора, т. е. уметь учитывать на войне значение момента, условий времени, – вторая задача изучающего законы войны.

В этом месте своего трактата Сунь-цзы употребляет слова «Ян» и «Инь», которые мы передаем русскими словами «свет» и «мрак». Эти понятия играют важнейшую роль в воззрениях на природу, характерных для древних китайцев, и уже в глубокой древности превратились из обозначений чисто реальных явлений света и мрака в некие символы космических сил. В дальнейшем они были распространены и на жизнь вообще, в первую очередь – на жизнь общества. В связи с этим они стали настолько сложными, что первоначальное значение света и мрака отошло на задний план; для этих последних понятий появились новые словесные обозначения, а древние Инь (мрак) и Ян (свет) превратились уже в некие космологические начала.

Естественно, что они вошли краеугольным камнем в состав древней китайской астрономии, которая тогда имела преимущественно форму астрологии. Таким образом создалась обширная «иньяновская» школа.

Основная предпосылка этой астрологии – распространение на астрономические явления явления «Неба», как тогда говорили, тех же отношений, которые характеризуют в первую очередь человеческое общество, ближайшим образом – отношения господства и подчинения. Поэтому небесные явления, светила стали называть с этой точки зрения «небесными чиновниками», т. е. руководителями судеб, имеющими, как и земное чиновничество, свою иерархию и свои точно определенные функции. С этой предпосылкой соединялось основное положение астрологии: о влиянии небесных явлений на человеческие судьбы.

Естественно, что при ведении войны, этой «почвы жизни и смерти, пути существования и гибели», китайцы не могли пройти мимо этой

астрологии. Как это наблюдалось решительно у всех народов, не только у древних – греков, римлян, германцев, галлов и т. д., но и в более поздние времена, у китайцев перед войной, перед сражением «вопрошали светила». Существовала целая сложная система счастливых и несчастливых дней, дней благоприятных для одного действия и неблагоприятных для другого. И полководцев древности нередко удерживал от сражения именно «несчастливый день». Таким образом, и это место «Сунь-цзы» может быть понято как указание на необходимость выбирать для войны, для сражения «счастливый день». <...>

Нечего и говорить, что Сунь-цзы – признанный последующими веками авторитет в вопросах войны – был для его последователей образцом просвещенного полководца, о котором говорит Ли Вэй-гун. Его отношение ко всяким гаданиям легко усматривается из его трактата. Об этом будет речь в соответствующих местах, здесь же только сошлемся на его категорическое запрещение всяких гаданий в войске, на его слова о том, что «знание наперед (о противнике. – *Н. К.*) нельзя получить от богов и демонов» (XIII, 4). Отрицательное отношение к мистике и суевериям сказывается и в том, что он вообще ничего не говорит о приметах, знамениях, гаданиях, а если и вспоминает о них, то только в двух местах мельком и только для того, чтобы категорически отвергнуть их. Поэтому совершенно правы те комментаторы, которые не видят в словах «Инь» и «Ян», приводимых Сунь-цзы, ничего другого, как свет и мрак, день и ночь и – в более широком смысле слова – вообще явления природы. Так, Ван Чжэ пишет: «Инь-Ян – это общее наименование Небесного Пути – пяти элементов природы, четырех времен года, ветра, облаков, метеорологических явлений». Мэй Яо-чэнь пишет: «Армия обязательно должна следовать за Небесным Путем (т. е. за законами природы. – *Н. К.*), сообразоваться с климатическими условиями и уметь ими своевременно пользоваться». Итак, речь идет о совершенно реальных вещах – о климате и погоде, о метеорологической обстановке, о времени года.

Недаром Сунь-цзы тут же рядом упоминает о холоде и жаре. За этим также скрывается совершенно простая мысль, которая очень ясно выражена в одном из древних военных трактатов – «Сыма фа»: «Зимой и летом (т. е. в жестокую стужу и сильнейшую жару. – *Н. К.*) войско не поднимают потому, что шадят свой народ» («Сыма фа», I, с. 3). Эту фразу «Сыма фа» цитируют чуть ли не все комментаторы «Сунь-цзы», а это служит доказательством, что она правильно отражает его мысль. Недаром комментаторы ссылаются на исторические примеры, не допускающие возможности никаких других толкований. Так, например, ханьский император Гао-цзу (206–195) выступил зимой в поход на север против гуннов, не приняв в расчет морозов, вследствие чего в его войске оказалось от 20 до 30 % обмороженных, и он потерпел полнейшую неудачу. Полководец времен Поздней Хань Ма Юань (14 г. до н. э. – 49 г. н. э.) предпринял в разгар лета экспедицию в Линьнань, местность с жарким и влажным климатом, в которой свирепствовали различные заболевания. Кончилось тем, что 90 % его армии погибло от болезней.

Исходя из всего изложенного, надо считать совершенно несомненным, что Сунь-цзы под словами «Небо – это свет и мрак, холод и жар, это порядок времени» понимает только требование учитывать значение времени года, погоды и умение пользоваться всем этим в своих интересах.

Третий общий элемент войны – «Земля». «Земля – это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь». Речь идет о местности, о ее признаках, ее отношении к условиям и задачам войны с точки зрения воюющей стороны. Понятие «смертельная» прилагается к местности в том смысле, что в условиях войны некоторые виды обстановки могут быть роковыми для ведущего на них бой; другие же – «жизненные» местности сулят самые благоприятные результаты. Иначе говоря, под словом «Земля» Сунь-цзы понимает географические условия возможного театра военных действий, значение которых должен научиться понимать всякий, изучающий законы войны.

Очень хорошо разъясняет это место трактата комментатор Мэй Яо-чэнь: «На войне важно сначала узнать обстановку местности. Когда знаешь “далекое и близкое” (т. е. расстояние. – *Н. К.*), сможешь прибегнуть к прямому или обходному движению; когда знаешь “ровное и неровное” (т. е. рельеф местности. – *Н. К.*), сможешь полностью использовать свою пехоту и конницу; когда знаешь “широкое и узкое” (т. е. размеры предполагаемого места боя. – *Н. К.*), сможешь установить, какое количество войск нужно ввести в бой; когда знаешь “смертельное и жизненное” (т. е. стратегические выгоды и неудобства местности. – *Н. К.*), сможешь определить условия победы и поражения». Сунь-цзы придает вопросу обстановки очень большое значение и, не говоря уже о многочисленных высказываниях на эту тему в разных местах трактата, специально посвящает ей почти целиком две главы – X и XI.

Четвертый общий элемент стратегии – это «полководец», точнее – качество полководца. От них также зависит во многом ход войны и ее исход. Поэтому изучающий войну должен понять и этот фактор.

Сунь-цзы тут же перечисляет те пять качеств, которыми должен обладать полководец: он должен обладать умом, быть беспристрастным (или справедливым), гуманным, мужественным, строгим.

Один из комментаторов Сунь-цзы – Хэ Янь-си так разъясняет необходимость этих свойств: «Если у полководца нет ума, он не может оценивать противника и вырабатывать нужную тактику; если у него нет беспристрастия (справедливости), он не может приказывать другим и вести за собой своих подчиненных; если у него нет гуманности, он не может привлекать к себе массы и привязывать к себе своих воинов; если у него нет мужества, он не может решиться на какие-либо действия и вступать в бой; если он не строг, он не может подчинить себе сильного и управлять массой. Кто обладает этими пятью свойствами сполна, тот – воплощение полководца».

Из этих слов Хэ мы можем усмотреть, что ум требуется прежде всего для оценки противника и выработки нужной тактики борьбы с ним. Это считалось древними китайскими стратегами делом самой первостепенной важности. Все указания Сунь-цзы на то, как вести войну, основаны на двух положениях: на знании противника и знании себя. Это знание является для него требованием категорическим и неизменным. <...>

Все военные писатели старого Китая, начиная, конечно, с Сунь-цзы, стояли на той точке зрения, что всякие правила остаются лишь общими указаниями; все же дело вешает конкретная обстановка; только она указывает, как нужно применять это правило. Обстановка же

юдлежит бесконечным и непрерывным изменениям, вследствие чего уметь ориентироваться в ней и всегда находить решение, нужное для данного момента и места, нелегко. Таким образом, к уму, сообразительности предъявляются особенно большие требования. <...>

Следующее качество полководца – беспристрастность. Так переведено здесь китайское слово «синь», которое имеет очень сложный смысл. Им обозначается внутреннее свойство человека, которое обуславливает его «правдивость», причем эта «правдивость» относится не только к словам, но и к поступкам. В связи с этим сюда входят и такие понятия, как «верность» себе, своим принципам, обязательствам, долгу, а также «справедливость». Одновременно с этим слово «синь» обозначает и понятие «доверия» со стороны других как следствие справедливости. <...>

Мэй Яо-чэнь еще конкретнее подходит к действительному смыслу требования «беспристрастности» от полководца, чем Хэ, когда говорит: «При наличии беспристрастности умеют награждать и наказывать». В этом же направлении идет мысль и Ван Чжэ: «Беспристрастность – это единство приказов и распоряжений».

Следующее качество полководца – гуманность. Ли Цюань так определяет это свойство: «Гуманность – это значит любить людей, жалеть вещи, понимать усердие и труд». О любви к людям, о внимании к ним, о заботе о них говорят и Хэ, и Ван Чжэ.

Однако для полководца это, по-видимому, не считалось основным; гуманность была не цель, а средство.

Гуманность, как говорит Хэ, есть то, чем «привлекают массы». Мэй Яо-чэнь подтверждает это: «При наличии гуманности могут привлекать массы». Коротко говоря, гуманность есть, выражаясь словами Ван Чжэ, средство «овладеть человеческими сердцами», для полководца в первую очередь, конечно, – сердцами своих солдат.

Следующее качество, которого Сунь-цзы требует от полководца, – это мужество. <...> Сорай дает более широкое толкование этого качества. «Мужество полководца, – говорит он, – это не страшиться большой армии противника, не бояться грозной силы, не отказываться от намерения сражаться и при малых силах, не терять мужество и после поражения; мужество – это когда при встрече с противником непременно вступают в бой, при преследовании врываются в самые ряды даже мощного противника; когда, будучи окруженными сильным противником, прорывают окружение и уходят, когда выпутываются из самых опасных положений. Вот что такое мужество полководца» (с. 12). Таким образом, Сорай под мужеством полководца понимает четыре свойства: храбрость, отважность, смелость, способность всегда сохранять присутствие духа.

Последнее качество полководца – строгость. «Без строгости нельзя подчинить себе сильного и управлять массой», – говорит Хэ Янь-си. <...>

Однако Мэй Яо-чэнь ставит вопрос несколько сложнее. По его мнению, управляет массой, т. е. в данном случае войском, не строгость как таковая, а то, что является результатом этой строгости, – авторитет полководца: «При наличии строгости умеют устанавливать авторитет», – говорит он. Так ставит вопрос и Ван Чжэ: «Строгость – это значит: при помощи строгости, своего авторитета держать в повиновении сердца масс».

Таковы пять требований, предъявляемых Сунь-цзы к личности полководца.

Обращает на себя внимание то, что, перечисляя свойства полководца, Сунь-цзы ставит гуманность на третьем месте, на первом же месте у него поставлен ум, а затем беспристрастие. Это несколько необычно.

В древнем конфуцианстве гуманность была первой из всех добродетелей, она считалась основным свойством человека, присущим самой его природе. Ее придерживались и некоторые военные писатели; так, например, автор «Сыма фа», который свой трактат прямо начинает словами: «В древности в основу всего ставили гуманность...», или, как распространено излагает эту мысль Лю Инь, «в древности те, кто правил государством, кто управлял армией, – все считали основой всего гуманность. Для них самое первое – была гуманность по отношению к народу, любовь к вещам. Они умели быть гуманными с народом и любить вещи, и поэтому для них не было трудностей в управлении государством и в управлении армией». Мэн-цзы рядом с гуманностью поставил справедливость, но все же гуманность у него на первом месте. Только автор «Чжунъюна» нарушил этот порядок, поставив перед гуманностью ум (в триаде «ум – человеколюбие – мужество»). Таким образом, к характеристике Сунь-цзы следует сказать, что он не связывает себя с трафаретной схемой, а свободно обращается с понятиями соответственно специфике своей области. А согласно этой специфике, для полководца прежде всего требуется ум. Впрочем, это также не совсем обычно. Специфика военного дела в глазах большинства людей как будто требует прежде всего другого. Об этом хорошо говорит У-цзы: «Вообще говоря, люди, рассуждающие о полководце, обычно видят в нем одну храбрость» (гл. IV, 1). Однако было бы ошибкой считать, что, ставя ум на первое место, Сунь-цзы этим самым отдает ему абсолютное первенство перед остальными четырьмя качествами. У-цзы, продолжая свою мысль о мужестве, говорит: «Но храбрость полководца – всего лишь одна его сторона. Просто храбрый человек обязательно легкомысленно ввязывается в борьбу, а тот, кто легкомысленно ввязывается в борьбу и не разбирает, где выгода (т. е. не обладает умом. – *Н. К.*), тот непригоден» («У-цзы», гл. IV, 1). Суть дела, следовательно, в том, что все эти качества хороши, когда они существуют все вместе, взаимно дополняют и контролируют друг друга. <...>

Пятый общий элемент стратегии – это «Закон». Как и в предшествующих случаях, в обращении с терминами «Путь», «Небо», «Земля», так и здесь Сунь-цзы чрезвычайно конкретен; речь идет у него не о каком-либо отвлеченном понятии «закона», а всего только о совокупности правил, касающихся трех вещей: воинского строя, командования армией и снабжения ее. Изучающий законы войны должен понимать важность всех этих вещей, от которых также в значительной степени зависит исход войны.

Таковы пять общих элементов стратегии: единство, время, место, качество полководца, организация армии. Существенно при этом, что эти элементы в устах Сунь-цзы являются и положениями общего характера, и одновременно руководящими правилами действий. Эти пять положений есть и факторы войны, и ее требования: война требует единства, правильного учета времени и места, требует полководца именно с такими качествами, она же требует надлежащей организации строевой части, командования

и снабжения. Этот двойственный характер своих положений Сунь-цзы выразил в заключительных словах: «Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти явлениях, но побеждает тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает. <...>

Сунь-цзы не отделяет изучения противника от изучения себя самого. Он ставит вопрос в сравнительную плоскость; необходимо изучать в сопоставлении: каково положение дел у противника и каково у себя. Сунь-цзы требует «взвешивать» войну «семью расчетами», т. е. оценивать шансы победы с семи различных сторон: 1. «Кто из государей обладает “Путем”» – свой или противник. Иначе говоря, где достигнуто или может быть достигнуто внутреннее единство? 2. «У кого из полководцев есть таланты», т. е. перечисленные выше качества? 3. «Кто использовал Небо и Землю», т. е. сумел правильно учесть и использовать факторы времени и места? 4. «У кого выполняются правила и приказы?» 5. «У кого войско сильнее?» 6. «У кого офицеры и солдаты лучше обучены?» 7. «У кого правильно награждают и наказывают?» На вопрос, что дает это сравнительное изучение, Сунь-цзы отвечает: «По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение». <...>

...система «семи расчетов» охватывает всю совокупность элементов стратегии: элементы моральные, географические и организационные. Изучению подлежат: 1) дух народа в целом, 2) таланты полководца, 3) время, 4) пространство, 5) организация армии, 6) сила армии, 7) дисциплина, 8) обученность, 9) система наград и наказаний.

Эти элементы одновременно являются и конкретными требованиями, обращенными к полководцу. Для военной науки это пункты программы, для стратегии – элементы, для полководца – приемы.

Какое значение придает им Сунь-цзы, видно из его слов: «Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я ухожу от него». Сунь-цзы тут же касается одного очень важного элемента своей доктрины. Он впервые называет слово «выгода». Он говорит: «Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за пределами их». <...>

Сунь-цзы – военный специалист, стратег и поэтому говорит о выгоде – стратегической и тактической – как о необходимых предпосылках победоносной войны. В его трактате все указания на выбор той или иной стратегии или тактики подчинены только принципам выгоды их. Комментатор Ду Му, безусловно, передает его мысль, когда говорит: «Учет выгоды или невыгоды есть первооснова всего военного дела». Поэтому вышеприведенной фразой Сунь-цзы хочет сказать, что его расчеты, усвоенные сообразно с выгодой, создадут такую мощь, которая будет далеко выходить за пределы общих положений; иначе говоря, эти расчеты дадут возможность находить нужные пути во всех бесконечных видах военной обстановки, во всех изменениях боевой ситуации.

Тут мы подходим к центральному положению этой главы, а пожалуй, и всего учения Сунь-цзы: к принципу тактического маневра.

Слово «цюань», которым на языке древних китайских военных писателей обозначается «тактика», вообще говоря, имеет сложный смысл.

Но его содержание хорошо вскрывается в трактате «Сыма фа». В «Сыма фа» говорится: «В древности (имеются в виду времена легендарных древних правителей Китая. – *Н. К.*) гуманность полагали в основу, государством управляли на основе справедливости, и это называлось прямым путем. Если прямым путем не достигали цели, прибегали к тактическому маневру (цюань). Тактический маневр идет от войны, а не от средних людей. Поэтому, если, убивая людей, тем самым создаешь благополучие людей, убивать их можно» («Сыма фа», гл. I, с. 2).

Это место со всей полнотой раскрывает, как понимали тогда суть тактического маневра. Во-первых, он противопоставлялся прямому пути, т. е. разрешению вопроса непосредственным способом, путем общего принципа, общего правила. Во-вторых, считалось, что своим происхождением он обязан войне, т. е. чрезвычайной обстановке, которая не допускает разрешения вопроса с помощью общего правила, стандарта. В-третьих, он не идет от практики «средних людей» – «людей среднего качества», как поясняет Лю Инь, которые обычно склонны во всех своих действиях следовать шаблону, трафарету, общепринятому правилу. Поэтому и может получиться парадоксальное, недоступное пониманию «средних людей» положение, а именно: убивают людей и этим достигают благополучия людей. Таков тактический маневр, такова и его природа.

Лю Инь ставит ее в связь с «изменениями», т. е. постоянными переменами содержания всех явлений. Перефразируя слова «Сыма фа», он говорит: «Когда они не достигали цели прямым путем, они прибегали к тактическому маневру, применяясь к изменениям». <...>

Сунь-цзы требует от своего полководца определенной тактической изобретательности и гибкости – умения сообразоваться с постоянными изменениями обстановки. На этом построена вся его военная доктрина.

«Сыма фа», как мы видели из только что процитированных слов, высоко оценивает значение тактического маневра. Убивать людей для того, чтобы создать благополучие для них же, это – маневр, но маневр, к которому прибегали «древние совершенные», т. е. идеальные, по его представлениям, правители государства и руководители людей. Следовательно, ничего предосудительного в самой тактике как таковой нет, это – высокое искусство управлять обстоятельствами, доступное только людям не «среднего качества».

Однако в противопоставлении тактического маневра прямому пути уже заложена какая-то возможность расценивать тактический маневр как нечто морально предосудительное. Поэтому при всем желании сохранить первоначальный смысл этого понятия у многих авторов невольно проскальзывает иное отношение к нему. <...>

Цао-гун говорит: «В войне нет постоянной формы; искусство войны состоит в обмане и лжи». То же повторяет и Ду Ю. Ли Цюань замечает: «В войне не гнушаются ложью». Мэй Яо-чэнь утверждает: «Без обмана невозможно применить тактический маневр, а без тактического маневра невозможно справиться с противником». Таким образом, вопрос как будто ясен: тактический прием нужен, без него одолеть противника нельзя, но сам по себе он – обман, ложь.

Иначе подходят к этому вопросу другие комментаторы. Ван Чжэ заявляет: «Обман – это средство добиться победы над противником, но

в руководстве массаами (имеется в виду армия. – *Н. К.*) обязательно следует придерживаться правдивости». Чжан Юй говорит: «В основу войны полагают гуманность и справедливость, но для того, чтобы одержать победу, непременно нужны обман и ложь». Коротко говоря, по мнению этих комментаторов, обман на войне есть только тактический прием, а не содержание войны, есть средство, а не цель, есть метод, а не принцип.

С такого рода оценкой обычно подходят к утверждению Сунь-цзы: «война – это путь обмана», и в этом свете рассматривают предлагаемые им 13 способов военной хитрости, или, правильнее, 13 основных тактических приемов.

Первый прием: «Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь». Это означает: сохранять в тайне все свои потенции, свои военные приготовления, состояние вооружения и т. п., т. е. показать признаки своей якобы слабости для того, чтобы тем полнее и скорее разгромить противника.

Второй прием военной хитрости формулируется Сунь-цзы в словах: «Если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему (противнику. – *Н. К.*), будто ты этим не пользуешься». В отличие от первого приема, советующего притворяться слабым, этот прием предлагает маскировать свои конкретные мероприятия. Так, например, предполагая действовать колесницами, следует представить положение противнику так, чтобы он думал, что собираешься пустить в ход пехоту, и наоборот. Впрочем, этот совет может иметь и другой смысл: даже прибегнув к какому-нибудь средству, в дальнейшем, чтобы ввести противника в заблуждение, следует представить свой поступок в другом свете.

Третий способ обмануть противника Сунь-цзы формулирует так: «Хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко». Ду Му расшифровывает эту несколько туманно выраженную мысль следующим образом: «Если хочешь напасть на противника в близком месте, покажи ему, будто бы отходишь далеко; если хочешь напасть на противника в далеком месте, покажи, будто бы подходишь близко к нему». <...>

Можно понять эти слова Сунь-цзы и несколько иначе, приблизительно в таком смысле: если ты находишься близко, показывай противнику, будто находишься далеко; если находишься далеко, показывай, будто находишься близко. Можно, вероятно, придумать и еще какое-нибудь толкование, но все они будут правильны только как примеры осуществления указания трактата в разных случаях, в разной обстановке; само же указание имеет общий смысл и говорит только об обмане противника расстоянием.

«Заманивай его выгодой» – таков четвертый прием военной хитрости, рекомендуемый Сунь-цзы. Это значит: замани противника какой-нибудь незначительной стратегической или тактической выгодой и тем самым добейся больших выгод для себя.

«Приведи его в расстройство и бери его» – таков пятый прием, рекомендуемый Сунь-цзы.

Этот прием может выразиться в широких мероприятиях по внесению расстройства в лагерь противника, а именно: можно посеять разлад среди союзников и тем самым обессилить их или даже совсем оторвать их друг от друга; можно поднять внутреннее волнение в стране противника и т. д.

Можно понимать эти слова и в узком смысле – в смысле тактического приема внесения расстройств в ряды противника во время самого боя. <...>

Шестое правило Сунь-цзы гласит: «Если у него все полно, будь наготове», т. е. если военная подготовка у противника находится в завершённом состоянии, будь готов к его нападению, другими словами, усиливай свою воинскую мощь.

Не надо забывать, что каждое из приводимых здесь положений Сунь-цзы следует понимать как указание на какой-нибудь прием, рассчитанный на то, чтобы обмануть противника. Такого толкования требует весь контекст. Поэтому и данное положение следует понять в таком же смысле. Какая же уловка, какая хитрость предлагается здесь?

По-видимому, мысль Сунь-цзы сводится к следующему: если ты видишь, что у противника и армия многочисленная, и вооружение превосходное, и выучка солдат наилучшая – словом, когда видишь, что у противника все «полно», как кратко выражается Сунь-цзы, нельзя нападать на него прямо и нельзя даже показывать ему своих намерений на него напасть. Наоборот, нужно сделать вид, что сознаешь всю бесполезность нападения на него, и притворно занять оборонительное положение. Этим можно усыпить бдительность противника, рассеять его подозрения. Тем временем под покровом пассивности, чисто оборонительного состояния, надлежит готовить все для неожиданного нападения.

«Если он силен, уклоняйся от него», – гласит седьмое положение Сунь-цзы. «Если противник сильнее тебя, избегай решительного столкновения с ним» – таково это положение в переводе на язык стратегии.

«Если позиция противника сильно укреплена, не нападай прямо, обходи его» – так его можно перевести на язык тактики.

«Вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройств» – так кратко выражено восьмое правило Сунь-цзы. В более распространенном виде его можно было бы выразить так: приведя противника в ярость, выведи его из себя, заставь его потерять хладнокровие и пуститься на необдуманные и рискованные поступки и этим сломи его, т. е. заставь его пойти на ненужные жертвы, подорви его силы, сломи его дух, его энергию, его боеспособность. <...>

«Приняв смиренный вид, вызови в нем сомнение», – гласит девятое правило Сунь-цзы.

Это означает: смиренными словами и поступками добейся того, чтобы твой противник проникся сомнением, излишней уверенностью в собственных силах и стал беспечным; тогда этим нужно воспользоваться и напасть на него.

«Если его силы свежи, утоми его», – гласит десятое правило Сунь-цзы.

Это положение может значить: когда у противника силы свежи, утоми его, измотай его всякими маневрами и, когда он обессилит, уничтожь его, т. е. применяться непосредственно к единичному сражению. Можно понять этот совет и более широко – к войне в целом: если противник вообще силен, постарайся ослабить его и потом нападай на него, стратегически и тактически уже ослабленного.

«Если у него дружны, разъедини» – таково одиннадцатое правило Сунь-цзы. Это значит: постарайся посеять раздоры в лагере противника, оторвать от него союзников, перессорить его военачальников и т. п.

«Нападай на него, когда он не готов», – гласит двенадцатое правило Сунь-цзы. В главе VI своего трактата он также говорит об этом, но вкладывает в свои слова там другой смысл. Здесь он имеет в виду материальную неподготовленность противника, там – его моральную неподготовленность.

Последнее правило Сунь-цзы гласит: «Выступай, когда он не ожидает».

Таковы тринадцать приемов «обмана», или военной хитрости, рекомендуемых Сунь-цзы. Нетрудно видеть, что, устанавливая эти приемы, автор стремился охватить все стороны борьбы с противником. <...>

Не надо забывать, что Сунь-цзы пока остается в пределах самых общих положений. Конкретная стратегия и тактика войны у него разрабатываются дальше, в последующих частях трактата. Здесь же только «предварительные расчеты», как и названа эта глава. Кроме того, исключительно важное значение для понимания его теории имеет фраза, идущая сейчас же вслед за перечислением указанных тринадцати приемов.

Сунь-цзы говорит: «Все это (т. е. изложенные тактические приемы. – *Н. К.*) обеспечивает воителю победу; однако наперед преподать ничего нельзя».

Для того чтобы понять весь смысл этой фразы, необходимо обратиться к комментаторам.

Цао-гун говорит: «На войне нет неизменной обстановки, как у воды нет неизменной формы, все меняется в зависимости от противника. Поэтому и нельзя ничего преподать наперед». Ли Цюань говорит: «Приемы ведения войны и достижения победы, естественно, не могут иметь одну определенную форму, их можно установить и применить, только видя состояние противника, и наперед нельзя что-либо делать или говорить». Мэй Яо-чэнь пишет: «Все решается в зависимости от противника, соответственно изменениям, путем овладения должным. Как же можно наперед что либо говорить?»

Другие комментаторы высказываются в подобном же смысле, так что несомненно, что за этой фразой Сунь-цзы скрывается та мысль, что оказываемыми им приемами полководец может добиться победы, но заранее сказать ему, какой прием, когда и как применить, невозможно. Иначе говоря, Сунь-цзы здесь опять намекает на то свое положение, которое является центральной мыслью его доктрины: обстановка войны настолько разнообразна и изменчива, что определенной схемы, шаблона быть не может, все военное искусство и состоит в умении действовать сообразно обстановке, каждый раз находить средство применительно к условиям момента и места, всей ситуации в целом.

Другими словами, это место его трактата представляет дальнейшее раскрытие понятия тактики, тактического маневрирования, о котором он уже выше говорил.

Но центр тяжести здесь не в этом. За этой фразой скрывается новая мысль, имеющая далеко идущее значение. Тактическая изобретательность и гибкость не есть нечто самостоятельное и самодовлеющее. Она есть результат общей причины: «На войне нет неизменной обстановки, как у воды нет неизменной формы», – говорит Цао-гун. Пользуясь популярным в Китае и Японии выражением, можно сказать: «Война – это тысяча изменений и десять тысяч превращений».

Глава II Ведение войны

1

Сунь-цзы сказал: правило ведения войны таково:

2

Если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых [1], сто тысяч солдат, если провиант надо отправлять за тысячу миль [2], то расходы внутренние и внешние, издержки на прием гостей, материал для лака и клея, снаряжение колесниц и вооружения – все это составит тысячу золотых в день. Только в таком случае можно поднять стотысячное войско.

1

Термины «чичэ» и «гэчэ», представляющие наименования различных видов колесниц, употреблявшихся в древней китайской армии, вызывают несколько разноречивые толкования. Цао-гун и Мэй Яо-чэнь определяют первый как «легкие колесницы», второй как «тяжелые колесницы». Ли Цюань называет первые «боевыми колесницами», вторые – «легкими колесницами». Ду Му понимает так: «легкие колесницы» – это боевые колесницы, на которых в древности вели бой; что же касается «гэчэ», то это, по его мнению, обозные, тяжелые колесницы, на которых перевозили оружие, вещи и снаряжение. Чжан Юй истолковывает эти термины по-иному: первые – это, по его мнению, колесницы для нападения, вторые – для обороны. Таким образом, совершенно ясно значение первого термина – «чичэ»: это колесницы, предназначенные для боя; их называют то «легкими колесницами», то «боевыми колесницами», то «наступательными колесницами». Сомнение вызывает второй термин: боевые ли это колесницы или только обозные фургоны? Ду Му считает их именно последними, но Чжан Юй полагает, что они являются также боевыми колесницами, только предназначенными для обороны. Другие комментаторы, не объясняя их назначения, называют их «тяжелыми колесницами». Однако Ли Цюань неожиданно именно к ним прилагает термин «легкие колесницы», противопоставляя их «боевым колесницам», в то время как Ду Му именно «боевыми колесницами» называет только «легкие».

Я считаю, что Ду Му прав в том смысле, что первые, т. е. легкие колесницы, есть в точном смысле этого слова боевые, вторые же, т. е. тяжелые колесницы, являются прежде всего обозными. Мне кажется это верным по той причине, что на первых колесницах – очень подвижных и легких – помещались три тяжеловооруженных воина, ведущие бой, вокруг же располагались пехотинцы – 72 человека. Для быстроты продвижения эти колесницы были запряжены четверкой коней, покрытых кожаными панцирями для защиты от стрел. Ясно, что они предназначались для боя. Тяжелые колесницы для боя не годились уже по

своей громоздкости. В трактате У-цзы упоминается, что их строили иногда размером «больше дома» (У-цзы, Введение). Кроме того, в них запрягали 12 волов, что одно указывает на их малоподвижность. К ним придавали также нестроевой состав – кашеваров, каптенармусов, конюхов, чернорабочих для подноски топлива и воды, всего 25 человек. Следовательно, они явно не предназначались для боя, по крайней мере для наступательных операций. Но в то же время они делались исключительно хорошо защищенными от стрел. В трактате У-цзы описывается, что их сверху донизу обивали кожами, прикрывали кожами колеса и т. д. (У-цзы, Введение). Поэтому, если во время похода легкие колесницы естественно шли впереди, а тяжелые сзади, то на стоянках легкие располагались внутри, тяжелые снаружи, образуя как бы укрепленный лагерь. Во время же боя тяжелые колесницы ставились позади фронта сплошной стеной и служили укрытием для своих солдат. Таким образом, когда Чжан Юй называет тяжелые колесницы оборонительными, он прав: это – большие, так сказать, бронированные обозные фургоны, используемые и как укрытие и при обороне.

2

Комментаторы пробуют определять, чему равнялась та тысяча миль, о которой говорит Сунь-цзы, в мерах их времени. Если взять самого близкого к нам по времени комментатора (из старых, конечно), который затрагивает этот вопрос, – Сорая, то он исчисляет один чжоуский фут в 7,2 японских дюйма его времени, 8 чжоуских футов составляют 1 сажень, т. е. 5 футов и 7,6 дюйма японских; одна миля равна 300 саженей, т. е. 172 сажени и 8 футов японских, иначе 4 те и 48 кэн, 1000 миль, таким образом, равна 4800 японских те, т. е. несколько более 133 японских миль. В переводе на европейские меры это будет около 450 км. Считаясь с тем, что чжоуский фут был в эпоху Чжоу не везде одинаков, Сорай допускает колебание этой цифры от 100 до 133 японских миль, т. е. приблизительно от 350 до 450 км (Сорай, цит. соч., с. 30). Впрочем, как об этом говорилось и в комментарии, вряд ли есть какая-нибудь надобность в этих точных вычислениях: текст Сунь-цзы не следует понимать в данном случае буквально, а принимать его выражение «1000 миль» за общее обозначение далекого расстояния.

3

Если ведут войну и победа затягивается – оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость – силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле – средств у государства не хватает.

4

Когда же оружие притупится и острия обломаются, силы подорвутся и средства иссякнут, князя [3], воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя. Пусть тогда у тебя и будут умные слуги, после этого ничего поделать не сможешь.

3

О слове «князь» здесь и всюду ниже см. пояснения к гл. II.

В переводе текста II гл. мною употребляется слово «князья». Так я передаю по-русски китайское обозначение «чжухоу». Такой перевод является обычным в китаеведческой практике, и я не нахожу нужным его менять. К тому же я считаю его правильным и по существу, так как русское слово «князья» может служить и служит общим обозначением владельцев, представленных в истории различных типов государственных образований, за исключением носителей верховной власти, стоящей – номинально или фактически – над властью отдельных «князей». Именно такой смысл и имеет китайское «чжухоу». В связи с этим предупреждаю, что всюду в дальнейшем у меня будет встречаться слово «князь». Этим общим наименованием я позволяю себе передать все те титулы владетельных князей, которые существовали в период Чуньцю. Как известно, это – титулы «гун», «хоу», «бо», «цзы» и «нань». Конечно, в этих разных титулах отражается известная градация в положении (по крайней мере, в «юридическом» смысле) правителей отдельных владений того времени, но мне кажется, что отразить эту градацию в переводе следует только тогда, когда переводится текст, где эта градация играет существенную роль. Когда же этого нет, всех этих владельцев можно обозначать общим словом «князья», тем более, что такое общее обозначение их существует и в китайской истории: это – слово «чжухоу», т. е. как раз то, которое в этой главе и дано. При этом как в русском слове «князья» один из титулов служит обобщающим обозначением всех прочих, так и в китайском «чжухоу» в качестве обобщающего обозначения взят также один из титулов – «хоу».

Я употребляю русское «князь» для обозначения владельцев времен Чуньцю, входящих в общую категорию «чжухоу», но не для обозначения Чжоуских правителей, титул которых был, как известно, «ван». Этот титул я передаю русским «царь». Конечно, это возможно только для тех времен, но не для позднейших, когда «ван» получило значение «князь», «принц». Для передачи еще одного титула, встречающегося в памятниках того времени, титула «ди», я сохраняю принятый перевод «император». Поясняю, что во всех этих случаях я говорю о переводческой передаче китайских обозначений; вопрос об историческом существе той власти, которая обозначалась каким-либо из этих титулов, совершенно особый.

5

Поэтому на войне слышали об успехе при быстроте ее, даже при неискусности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искусности ее ведения.

6

Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству. Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны.

7

Тот, кто умеет вести войну, два раза набора не производит, три раза провианта не грузит; снаряжение берет из своего государства, провиант же берет у противника. Поэтому у него и хватает пищи для солдат.

8

Во время войны государство беднеет оттого, что возят далеко провиант. Когда провиант нужно возить далеко, народ беднеет.

9

Те, кто находятся поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются; когда же средства истощаются, выполнять повинности трудно.

10

Силы подрываются, средства иссякают, у себя в стране – в домах пусто [4]; имущество народа уменьшается на семь десятых; имущество правителя – боевые колесницы поломаны, кони изнурены; шлемы, панцири, луки и стрелы, рогатины и малые щиты, пики и большие щиты, волы и повозки – все это уменьшается на шесть десятых [5].

4

Слово «чжун-юань» я перевожу здесь русским «страна». Собственно говоря, этим словом обозначалась центральная равнинная часть территории Китая, расположенная по течению Хуанхэ, особенно земли, составляющие ныне провинции Шаньдун и Хэнань.

Некоторые комментаторы так и считают, прибегая в связи с этим к крайне искусственному толкованию этого места трактата, как это делает, например, Сорай. Основой такого их толкования служит соображение, что Сунь-цзы, находившийся в княжестве У, не мог назвать так территорию своего княжества: оно было расположено к югу от Янцзы-цзяна по нижнему течению этой реки. Однако не нужно забывать, что это же слово получило значение «страны» вообще. Поэтому вполне возможно, что в таком смысле оно и здесь употреблено.

5

Выражение «цюню» одни понимали как «волы, поставляемые сельскими общинами», другие – как «большие волы», основываясь на том, что слово «цю» может значить «большой». Я ставлю по-русски просто слово «волы», считая в то же время, что предыдущий текст совершенно ясно указывает, что здесь речь идет о волах, поставляемых общинами. Оснований для того, чтобы считать слово «цю» в сочетаниях «цюи» и

«цюню» различным по смыслу, нет никаких, тем более, что речь все время идет об одном и том же. Кроме того, нигде во всем трактате нет ни одного случая употребления иероглифа «цю» в значении «большой». Поэтому толкование Ли Цюаня, к которому с некоторыми оговорками присоединяется и Сорай, должно быть безусловно отвергнуто.

11

Поэтому умный полководец старается кормиться за счет противника. При этом один фунт пищи противника соответствует двадцати фунтам своей; один пуд отрубей и соломы противника соответствует двадцати пудам своей [6].

6

Я позволил себе на место китайских «чжун» и «дань» поставить русские «фунт» и «пуд». Конечно, это не соответствует действительным весовым соотношениям этих мер. Кроме того, китайские «чжун» и «дань» – меры сыпучих тел, а не веса, и по-русски следовало бы взять что-либо вроде «четверти» и «гарнца». Но дело здесь не в точных мерах. Сунь-цзы просто указывает на то, что известное количество провианта и фуража, полученное на месте, по своему значению во много раз превышает то же количество, доставляемое издалека, или, иначе говоря, экономически гораздо выгоднее получить то, что нужно, на месте, чем возить издалека. Так как в данной фразе Сунь-цзы единственно важна именно эта мысль, я и позволил себе, чтобы сразу сделать ее ясной для русского читателя, на место ничего не говорящих русскому слуху названий древних китайских мер подставить знакомые русские слова. О реальной величине «чжун» и «дань» сведения дают все комментаторы. Когда в переводе на современные японские меры исчисляет один чжун в шесть коку и четыре то, один дань – в 20 коку (Кода и Оба, цит. соч., с. 81), это составляет 32,7 бушеля (1 чжун) и 99,2 бушеля (1 дань).

12

Убивает противника ярость, захватывает его богатства жадность.

13

Если при сражении на колесницах захватят десять и более колесниц, раздай их в награду тем, кто первый их захватил, и перемени на них знамена. Перемешай эти колесницы со своими и поезжай на них. С солдатами же обращай хорошо и заботься о них. Это и называется: победить противника и увеличить свою силу [7].

7

Сорай дает совершенно иное толкование этому месту II главы. По его мнению, Сунь-цзы здесь говорит о том, чтобы передать отнятые

у противника колесницы самим же сдавшимся неприятельским воинам, именно тем, кто первыми изъявил покорность. Иначе говоря, Сорай предполагает, что захват колесниц противника происходит путем сдачи воинов противника. Таким образом, можно воздействовать на психологию сдавшихся и привлечь их на свою сторону, а с другой – подействовать и на прочих, побуждая их к сдаче. Однако на всякий случай следует принимать и некоторые меры предосторожности, а именно: на колесницах вперемишку со сдавшимися следует рассадить и своих воинов или же сдавшихся раньше и уже проверенных рассадить так, чтобы из троих воинов, составлявших команду колесницы, один или двое были вполне надежными.

Такое понимание основано на толковании одного слова текста – указательного местоимения «ци», которое в этом абзаце встречается два раза. Сорай считает, что это местоимение должно указывать на одно и то же. В первый раз оно встречается в словосочетании «отдай в награду тем, кто первым...» и т. д., во второй раз – в словосочетании «перемени на них (собственно: «те») знамена». Так как во втором случае совершенно ясно, что местоимение «те» указывает на знамена, находящиеся на отнятых колесницах, то и в первом случае «тем» должно относиться к противнику, т. е. фраза должна иметь смысл «отдай их в награду тем, кто первым сдался» (Сорай, цит. соч., с. 45).

Эта аргументация вполне основательна, но все же принять толкование Сорая нельзя. Ведь, если следовать его толкованию, то слово «дэ» нужно будет понимать как «сдаваться», в то время как оно означает «овладевать». Могут сказать, что это чисто словарный подход к делу. Вряд ли это, однако, правильно: в знаменитом приказе У-цзы перед битвой при Си-хэ, приведенном в VI главе его трактата, именно этот глагол употреблен в приложении к колесницам, и именно в смысле «захватывать». «Командиры и солдаты, – говорит этот полководец, – каждому из вас предстоит встретиться – кому с колесницами противника, кому с его пехотой, кому с его конницей. Помните, что если каждая колесница не захватит («дэ») колесницы противника, каждый всадник не захватит его всадника, каждый пехотинец не захватит его пехотинца, пусть мы и разобьем его армию, все равно заслуг не будет ни у кого». Совершенно ясно, что этот глагол применяется именно в смысле захвата трофеев. Поэтому понимание его как «сдаваться» представляет исключительную натяжку. Далее, если следовать Сорая, то глагол «перемешивать» следует отнести к солдатам: «Перемешай солдат на колесницах – своих с только что захваченными». Но грамматически ясно, что в словосочетании «чэ цза» этот глагол относится к колеснице, других слов в этом сочетании нет и не может даже подразумеваться, так как последующий знак свидетельствует, что мысль словосочетания закончена. В таком случае получается вполне реальный смысл: перемешать, смешать захваченные колесницы со своими, т. е. включить их в состав своих сил. Два же одинаковых местоимения можно отнести к колесницам противника и перевести всю фразу так: «Раздай (их) в награду тем, кто первым их захватил, и перемени на них знамена».

15

Поэтому полководец, понимающий войну, есть властитель судеб народа, есть хозяин безопасности государства.

Пояснения к главе

Во II главе своего трактата Сунь-цзы рассматривает войну с точки зрения экономической. Он указывает на экономическое напряжение, которое связано с войной, и на последствия для народного хозяйства, которые война может при известных условиях вызвать. Вместе с тем он предупреждает и о внутривнутриполитических, и о внешних, международных последствиях войны как результате экономического ослабления страны.

Но все это при двух условиях: при больших масштабах войны, т. е. при мобилизации большой армии, при отдаленности и обширности театра военных действий, и при длительности войны, т. е. при затяжном ее характере.

Сунь-цзы берет для примера масштаб войны, который, очевидно, в его время считался, так сказать, обычным, конечно – для сильных и крупных владений. Он берет царства размером с У, для правителя которого он, по преданию, и написал свой трактат. Отправляясь от этого масштаба, можно делать исчисления в ту и другую сторону.

Этот примерный масштаб следующий: численность армии – 100 000 человек, крупное вооружение – 1000 легких боевых колесниц, 1000 тяжелых; отдаленность театра военных действий – 1000 китайских миль, расходы на все это, а также все сопутствующие издержки – 1000 золотых в день.

Само собой разумеется, что было бы неправильно видеть за этими цифрами Сунь-цзы какие-либо точные исчисления. Это – не более чем круглые цифры, примерный масштаб крупной войны. Так всегда понимали и все комментаторы «Сунь-цзы».

Говоря о численности армии и составе ее вооружения, Сунь-цзы ограничивается краткими данными и обращается к такому читателю (если верить преданию, к князю Хо-люю), которому превосходно известны все подробности организации и состава армии. Впрочем, дошедшая до нас древняя китайская литература позволяет достаточно полно обрисовать картину китайской армии времен Сунь-цзы и для читателя, незнакомого с этим делом.

Сведения о древней китайской армии содержатся в «Чжоу-ли», в «Ли-цзи» и, конечно, во всех указанных выше сочинениях по военному искусству. Если основываться на последних, передающих главным образом практику войны, в противоположность первым, отражающим главным образом законодательные постановления, то в более позднее время в древней китайской армии было три рода войск: пехота, конница и боевые колесницы. Наиболее многочисленной была пехота, но по боевой силе на первом месте стояли колесницы и конница. Трактат «Лю тао» так говорит об этом: «Колесницы и конница – это воинская мощь армии. Десять колесниц разбивают тысячу человек, сто колесниц разбивают десять тысяч человек, десять всадников обращают в бегство сто человек, сто всадников обращают

в бегство тысячу человек» – «в условиях боя в равнинной местности», очень правильно добавляет комментатор Лю Инь («Лю тао», отдел «Цюань тао», гл. «Цзюнь бин»). Тот источник дает и характеристику функций этих родов войск: «Колесницы – это крылья армии; они ниспровергают крепкие позиции, поражают сильного противника, преграждают путь бегущим. Конница – это разведка армии; она преследует разбитого противника, отрезает ему подвоз провианта, рассеивает его летучие отряды» (там же). <...>

Основной единицей боевого формирования служила колесница. Сунь-цзы различает два вида колесниц: легкие боевые колесницы, запряженные четверкой коней, предназначенные для боевых операций, и тяжелые колесницы, запряженные двенадцатью волами, предназначенные для перевозки всего снабжения, а также служащие укрытием в условиях обороны. Каждой легкой колеснице придавалось 75 человек пехоты, каждой тяжелой колеснице – 25 человек обслуживающего персонала. <...>

От примерного размера армии Сунь-цзы переходит к вопросу о военных издержках. При этом он понимает, что размеры издержек обуславливаются двумя факторами: численностью армии и расстоянием до театра военных действий. Численность он берет для примера 100 000 человек, расстояние – 1000 китайских миль. При дальности расстояния от собственных баз необходима организация снабжения – подвоз боеприпасов и продовольствия. Сунь-цзы несколькими строками ниже говорит: «Умный полководец старается кормиться за счет противника». И все же, несмотря на это, он предусматривает необходимость подвоза продовольствия из своей страны. Рассчитывать только на одни ресурсы неприятельской стороны, по его мнению, очевидно, невозможно – по крайней мере в первый период кампании. Вслед за этим Сунь-цзы перечисляет статьи военных издержек и их размеры. Статьи эти следующие: 1. Внутренние расходы – на снаряжение армии, а также расходы внутри страны, связанные с войной. 2. Внешние расходы – на содержание армии в походе. 3. Расходы по приему приезжающих из-за границы. 4. Расходы на изготовление и ремонт боевого снаряжения.

Из этих статей некоторого пояснения требует только третья: расходы по приему приезжающих из-за границы. Комментаторы (Ду Му, Цзя Линь, Ван Чжэ, Чжан Юй и др.) понимают это так: во время войны ведутся всевозможные дипломатические переговоры, заключаются союзы, появляются послы из других государств; точно так же в случае войны неизбежно прибытие «военных наблюдателей», гостей из соседних государств; появляются обычно и люди, предлагающие свои услуги в качестве воинов, стратегов – специалистов по военному искусству и т. д. Государству приходится поэтому иметь дело с многочисленными гостями и, естественно, тратить на них некоторые средства.

Сунь-цзы исчисляет все издержки в сумме 1000 золотых в день. Бесполезно гадать, какова реальная стоимость этой суммы в перечислении на ценности VI в. до н. э., но бесспорно, что для того времени это была очень крупная цифра, указывающая на очень большие размеры военных расходов.

Эти вступительные замечания – указания, во что обходится большая война государству, служат исходным пунктом для последующего положения:

если война – дорогое предприятие, то ее затяжка грозит государству разорением и в конечном счете, может быть, даже гибелью.

Сунь-цзы – сторонник короткой войны, быстрой победы. Он хочет, по старинному китайскому изречению, которое вспоминает его комментатор Чэнь Хао, чтобы удар противнику был нанесен так быстро, что «удар грома не успел бы еще дойти до ушей людей, блеск молнии не успел бы еще дойти до глаз людей». Этот принцип молниеносного удара Сунь-цзы выражает словами: «Война любит победу и не любит продолжительности». «На войне слышали, – говорит он в другом месте, – об успехе при быстроте ее, даже при неискусности ее ведения, и не видели еще успеха при продолжительности ее, даже при искусности ее ведения». Так, очевидно, руководствуясь опытом того времени, полагает Сунь-цзы. Об опасности затяжной войны говорит все содержание II главы, особенно слова: «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству». Цао-гун, комментирующий Сунь-цзы, сам тоже опытный полководец, говорит: «Если война затягивается, это невыгодно. Война подобна пламени: если не задуешь его вовремя, сам в нем сгоришь».

Война ведется ради выгоды. Это Сунь-цзы заявил уже в I главе своего трактата. При затянувшейся войне, по его мнению, выгоды для страны получить не может, даже при победе.

Сунь-цзы объясняет, почему это так. Затяжка войны сулит гибельные последствия и в чисто военном смысле, и в финансовом, и в общеэкономическом, и в международных отношениях. В чисто военном смысле затянувшаяся война приводит к тому, что «оружие притупляется и острия обламываются», т. е. к истощению боевого снаряжения. Кроме того, Сунь-цзы говорит о том, что подрываются и силы армии. Эти его слова комментаторы понимают различно. Цзя Линь говорит так: «В войне, если даже и побеждают, но это продолжается долго, выгоды никакой нет, война любит полную победу. А когда оружие притупилось, острия обломались, воины – в ранах, кони изнурены, значит силы подорваны». Чжан Юй толкует иначе: «Когда ведут войну долго и только после этого побеждают, солдаты устают, и дух у них падает». Иначе говоря, имеется в виду и материальное ослабление армии – потери людьми и вооружением, и ослабление ее боевого духа.

Тяжелые последствия затяжной войны для финансов государства понятны: в день приходится тратить до 1000 золотых, а это требует огромного напряжения для казны, и может наступить такой момент, когда, по словам Сунь-цзы, «у себя в стране – в домах пусто», иначе говоря, когда наступит полное разорение страны. «Если войско надолго оставляют в поле – средств у государства не хватает».

Гибельным образом длительная война может отразиться и на общеэкономическом состоянии страны. Сунь-цзы указывает на истощение правительственных ресурсов и на разорение народных масс. По его мнению, правитель теряет 60 % всех своих материальных ресурсов, предоставленных для войны: «Боевые колесницы поломаны, кони изнурены; шлемы, панцири, луки и стрелы, рогатины и малые щиты, пики и большие щиты, волы и повозки – все это уменьшается на шесть десятых». Другими словами, потери в снаряжении являются не только потерями армии, но и потерями государства.

Однако, так как все эти ресурсы доставляются населением, гораздо больше внимания Сунь-цзы уделяет не потерям государства, а разорению народных масс. По его исчислениям, крестьяне,¹¹ т. е. подавляющая по численности масса населения, теряют от войны 70 % своих средств. Это огромное сокращение народного достатка, по мнению Сунь-цзы, вызывается двумя условиями войны: «Во время войны государство беднеет оттого, что возят далеко провиант. Когда провиант нужно возить далеко, народ беднеет» – таково первое условие; «те, кто находятся поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются; когда же средства истощаются, выполнять повинности трудно» – таково второе условие.

В этих словах Сунь-цзы чрезвычайно важно то, что он говорит, в сущности, исключительно о разорении крестьянства (под словом «народ» в данном случае следует понимать именно крестьянство), считая, что разорение крестьянства равносильно разорению государства. Очевидно, уже в VI в. до н. э. в Китае понимали значение крестьянства для экономики, для существования правящего класса и управляемого им государства. <...>

Из всего трактата явствует, что важнейшим источником дохода правящего класса была в те времена эксплуатация крестьян. Поэтому Сунь-цзы, упомянув об истощении материальных ресурсов правительства, все аргументы против затяжной войны строит на положении крестьян.

Причиной разорения крестьян Сунь-цзы считает далекие перевозки провианта и всякого снабжения для армии. По первому впечатлению, это как будто не совсем понятно: почему Сунь-цзы придает такое значение тому, что мы назвали бы подводной, или гужевой, повинностью. Конечно, это и обременительно, и разорительно, но это не есть еще условие полного разорения. Дело в том, что перевозки в условиях Китая VI в. до н. э. – не просто подводная повинность.

Прежде всего следует помнить, что крестьяне не только возили провиант и фураж, но и поставляли его. Армия кормилась крестьянством. Крестьяне, по закону, должны были поставлять провиант и фураж во время войны два раза: при отправлении армии в поход, снабжая ее всем нужным для ведения войны на чужой территории, и при возвращении армии из похода, при вступлении ее в пределы своего государства. Но это только по общему правилу. Во время длительной войны, несомненно, приходилось брать у крестьян и в промежутки между началом и концом кампании. Иначе Сунь-цзы не сказал бы в этой главе, что «тот, кто умеет вести войну... три раза провианта не грузит». Ясно, что «плохо ведущий войну» берет и три раза, а может быть, и чаще. Таким образом, несомненно, что снабжение армии провиантом ложилось главным образом на крестьян.

Однако не только одно такое снабжение. Крестьяне вообще содержали армию. Это следует понимать не только в том, несомненно правильном, но широком, смысле, что расходы на войну, производимые правителем, также в конечном счете оплачивались крестьянством, но и в более узком, совершенно конкретном смысле, о котором свидетельствует Мэй Яо-чэнь: «Крестьяне содержат армию имуществом, провиантом, силами и

¹¹ Обозначаем здесь этим именем свободное земледельческое население страны в конце Чуньцю – начале Чжаньго, сохранявшее в то время, по всей вероятности, еще общинное устройство.

рекрутами». Иначе говоря, и живая сила армии, и ее материальная часть создаются крестьянством. А это было настолько обременительно, что при длительной войне уже одно могло привести к разорению.

Но и это не было для Сунь-цзы решающей причиной. Он об этом не упоминает здесь, оставаясь в данной главе в пределах общего анализа экономики войны; он знает, кроме того, что читатель его времени все равно поймет это и без его слов. Но в другом месте своего трактата он говорит: «Когда поднимают стотысячную армию, выступают в поход за тысячу миль, издержки крестьян, расходы правителя составляют в день тысячу золотых. Внутри и вовне – волнения; изнемогают от дороги и не могут приняться за работу семьсот тысяч семейств» (XIII, 1). Вот главная причина: отрыв от работы огромной массы крестьянства. Иначе говоря, за сельскохозяйственные работы некому больше приниматься, и наступает полный упадок сельского хозяйства, т. е. разорение страны и банкротство государства.

Но откуда Сунь-цзы берет эту цифру – 700 000 семейств? И почему это будут крестьяне? И какая связь «гужевой повинности» с развалом сельского хозяйства? Ответ на все эти вопросы дает китайская историография.

Большинство китайских историографов и историков прежних времен полагали, что в Древнем Китае существовала так называемая колодезная система, т. е. особая форма земледельческой общины. Согласно их данным, основной административно-хозяйственной единицей для государства была община из восьми дворов, «соседская община», как она называлась тогда (Цао-тун). Ей отводился земельный надел в размере иногда в 400, иногда в 720–900 му, который был разделен на девять равных участков. Каждый из восьми дворов получал один такой участок и обрабатывал его для своих нужд, девятый же участок обрабатывали все восемь дворов сообща и продукцию с него передавали в казну. <...>

В свете этих предполагаемых исторических условий понятны слова Сунь-цзы: «Во время войны государство беднеет оттого, что возят далеко провиант». Вряд ли Сунь-цзы стал бы преувеличивать размер бедствия, очевидно, он знал, что скрывается за этими как будто простыми словами «возить далеко провиант».

Как на одну из причин разорения крестьянства Сунь-цзы указывает на вздорожание цен. «Те, кто находятся поблизости от армии, продают дорого; а когда они продают дорого, средства у народа истощаются».

Речь идет, конечно, о торговцах, которые неминуемо появлялись в районе расположения армии. Спекуляция во время войны и вздорожание цен отмечаются, таким образом, китайским военным писателем уже в VI в. до н. э. <...>

Итак, по мнению Сунь-цзы, длительная война приводит к разорению крестьянства и к упадку сельского хозяйства, а значит, и к разорению всего государства. Естественно, что перестают поступать и доходы. «Когда же средства (у крестьян. – *Н. К.*) истощаются, – говорит Сунь-цзы, – выполнять повинности трудно».

Сунь-цзы не объясняет, о каких повинностях здесь идет речь, но другие источники и его комментаторы вполне раскрывают это. Речь идет о тех повинностях, которые лежали на крестьянстве в условиях упомянутой выше колодезной системы. Как уже указывалось, по этой системе основной хозяйственно-административной единицей считалась

«соседская община» – объединение восьми дворов; с точки зрения административно-территориальной она называлась «колодцем». Четыре «колодца» составляли новую административно-хозяйственную единицу – деревню, четыре деревни составляли село, четыре села – волость. Каждый сельский округ должен был во время войны дать одного коня и четыре вола, волость, следовательно, должна была поставить четырех коней и шестнадцать волов и, кроме того, снарядить одну боевую колесницу и выставить 75 рекрутов. Но этим дело ограничивалось лишь при короткой войне. При затяжной войне, как намекает сам Сунь-цзы, приходилось прибегать и ко вторичному набору рекрутов и к третьему сбору провианта. Несомненно, что это правило распространялось не только на эти две категории повинностей. Сунь-цзы говорит вообще «об усилении сельских повинностей». Таким образом, снова брались и лошади, и волы, требовалось снаряжение новых колесниц. Все это и обуславливало потерю крестьянами 70 % своих достатков.

Конечно, эту цифру не следует принимать как точное исчисление потерь народного достояния при затяжной войне, как и прочие цифры настоящей главы трактата, это лишь указание на очень большие размеры потерь, граничащие с полным разорением крестьянства. «Когда везут провиант, подрываются силы; когда поставляют снабжение, истощаются средства; у народа, воюющего на полях сражений, имущество в их домах исчезает, внутри страны становится пусто», – говорит Чжан Юй. «Когда оружие притупится и острия обломаются, силы подорвутся и средства иссякнут, князья, воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя», – говорит Сунь-цзы. На обнищавшую и обессиленную страну бросаются соседние хищники.

Однако Сунь-цзы не пацифист, не противник войны, хотя бы и по экономическим причинам, наоборот, он пишет руководство для полководца, т. е. пособие для ведения войны. Он противник только затяжной войны, но не войны вообще. Все же сказанное им служит лишь предисловием к основным положениям этой главы – как нужно вести войну, чтобы избежать этих вредных экономических и частично политических последствий.

Конечно, лучшее средство для него – это короткая победоносная война. Однако, считаясь с тем, что длительная война все же часто бывает, Сунь-цзы старается указать путь для смягчения ее бремени. Путь этот у него простой: надо перенести все тяготы войны на противника.

Сунь-цзы ставит условие – не переобременять свой народ ни рекрутской, ни материальной повинностью: «Тот, кто умеет вести войну, два раза набора не производит, три раза провианта не грузит». Вместе с этим он рекомендует пользоваться тем, что можно захватить у противника. Это относится прежде всего к вооружению.

Еще в большей степени это правило усиления себя за счет покоренных применялось к использованию трофеев. Сунь-цзы предлагает: «Если при сражении на колесницах захватят десять и более колесниц, раздай их в награду тем, кто первый их захватил, и перемени на них знамена (т. е. вместо неприятельского знамени водрузи свое, что означало, так сказать, официальное включение в состав своих сил. – *Н. К.*). Перемешай эти колесницы со своими и поезжай на них (т. е. сражайся. – *Н. К.*)».

Эти слова означают, что захваченное у противника оружие служило для пополнения собственного вооружения. Очень характерно также предписание: «с (пленными. – *Н. К.*) солдатами обращайся хорошо и заботься о них». Сунь-цзы не разъясняет, с какой целью следует это делать, но из всего, что мы знаем о древней китайской армии, явствует, что пленные солдаты противника использовались в армии как рабочая сила – прежде всего как рабы-носильщики.

Остается пополнение довольствием – провиантом и фуражом. Здесь, как уже было указано выше, Сунь-цзы говорит категорически: «Тот, кто умеет вести войну... провиант берет у противника». «Умный полководец старается кормиться за счет противника». Каким образом это делать? Здесь Сунь-цзы об этом не говорит, но в другом месте выражается кратко и ясно: «В местности серьезного положения (т. е. когда глубоко проникнешь на территорию противника и подвоз из своей страны невозможен или затруднителен. – *Н. К.*) грабь» (XI, 3).

Сунь-цзы не лишен чутя экономиста; он сознает, что ценность одного и того же количества провианта и фуража, полученного на месте от противника, не будет равна ценности того же количества, привезенного из родной страны «за тысячу миль». «Один фунт пищи противника соответствует двадцати фунтам своей; один пуд бобовых отрубей и соломы противника соответствует двадцати пудам своей». Но Сунь-цзы понимает, что все это – не свое, это нужно добыть. Поэтому он и указывает, как это все добывается грабежом.

Но как заставить своих солдат заняться таким грабежом? Простым приказом действовать, конечно, можно, полководец должен обладать строгостью, вследствие которой его приказания беспрекословно выполняются. По словам Ду Му, «солдаты у него боятся своего полководца и не боятся противника». Но Сунь-цзы все время требует от полководца ума, а это значит, что нужно прибегать к другим средствам.

Какие это средства? Это, по мнению Сунь-цзы, инстинкт ярости и инстинкт жадности. Полководец должен на этих инстинктах играть: пробуждать в своих солдатах дух ярости и дух жадности. Тогда они будут и сражаться и грабить. Этот именно смысл и имеет фраза Сунь-цзы: «Убивает противника ярость, захватывает его богатства жадность». <...>

Рядом с яростью Сунь-цзы ставит жадность – это характеризует захватническую сущность этих войн, когда единственно возможным стимулом для солдат была нажива. О роли жадности Цао-гун, хорошо изучивший войну на собственном опыте, говорит так: «Если в армии не будет богатств, воины не пойдут в армию, если в армии не станут раздавать наград, воины не пойдут в бой». <...>

Ду Ю говорит: «Когда люди знают, что, победив противника, они будут иметь щедрые награды, они бросаются на обнаженные клинки, идут против стрел и камней и радуются наступлению и бою. Их всех привлекает богатство, которым награждают за отличия и за труд». Чжан Юй ставит такие награды даже в связь с храбростью: «Если станешь щедро награждать подчиненных, у них непременно появится храбрость».

Но это есть жадность, обращенная к самим себе, к своему полководцу, к наградам, получаемым от своей страны. Главное же не в этом. Сунь-цзы говорит о том, что «жадность захватывает богатство противника».

Полководец должен уметь направить жадность своих солдат именно в эту сторону. Об этом и говорит Ду Му: «Нужно заставить своих воинов видеть те богатства, которые можно захватить у противника. Если захватишь богатства противника, непременно раздай их. Пробуди в солдатах такие желания, и тогда каждый из них сам пойдет в бой».

Таковы эти поистине варварские «стимулы», которые, по мысли Сунь-цзы и его последователей, побуждают людей сражаться и вообще идти на войну. Нечего и говорить, что такого рода положение превосходно укладывается в общую картину Китая времен Сунь-цзы, когда правители предпринимали войны только для захвата и грабежа и в своих интересах старались разжечь эти инстинкты у солдат. Впрочем, это наблюдалось не только в Древнем Китае, эти же «стимулы» пускались в ход в любой агрессивной войне и после Сунь-цзы – вплоть до последних лет.

Глава III

Стратегическое нападение

1

Сунь-цзы сказал: по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить бригаду противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить батальон противника в целости, на втором месте – разбить его. Наилучшее – сохранить роту противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить взвод противника в целости, на втором месте – разбить его [1]. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь.

1

Считаю возможным дать русские наименования «взвод», «батальон» и т. д. на том основании, что относительно, с точки зрения последовательности войсковых подразделений, эти наименования соответствуют китайским. В китайской армии – по данным Чжоу ли – в период Чжоу самым мелким подразделением была пятерка (кит. «У»), к ней я прилагаю, русское название «взвод»; соединение из пяти взводов, т. е. 25 человек, составляло следующую единицу, переводимую словом «рота» (кит. «лянь»), далее идет батальон – соединение из четырех рот, 100 человек (кит. «цзу»); затем бригада (кит. «люй») – соединение из пяти батальонов, т. е. 500 человек; далее идет дивизия (кит. «си») – соединение пяти бригад, т. е. 2500 человек; пять дивизий, т. е. 12 500 человек, составляли армию (кит. цзюнь). Однако самым крупным соединением во время похода были «три армии», т. е. войсковая группа в 37 500 человек, в которой одна армия, располагающаяся впереди, получала значение авангардной, другая, которая располагалась в центре и при которой находился главнокомандующий, называлась центральной, а третья, прикрывающая тыл, была армией арьергарда. В переводе к такой группе я также прилагаю русское слово «армия», так как, несомненно, китайское «сань цзюнь» – три армии – понималось как армия в широком смысле слова. Это были те силы, которые, по чжоускому праву, могло иметь так называемое «большое государство», т. е. с правителем с титулом «гун» или «хоу»; «средние государства» с правителем с титулом «бо» имели только две армии, т. е. 25 000 человек; «малые государства», с правителем с титулом «цзы» или «нань», могли иметь только одну армию, т. е. 12 000 человек. Сам же чжоуский ван имел шесть армий, т. е. 75 000 человек. Поэтому несомненно, что все эти названия – «лю цзюнь», «сань цзюнь», «лянь цзюнь» и «цзюнь» имели значение «армии» в широком смысле слова.

Заметим попутно, что это положение об армиях требует больших оговорок. Нам известно, например, что гун и хоу могли иметь тысячу боевых колесниц. Если же учесть, что каждой колеснице придавалось сто

человек строевой и нестроевой команды, получается, что такой правитель мог иметь стотысячную армию. Кроме того, из других трактатов по военному искусству мы узнаем о несколько иной системе войсковых подразделений (например, у Вэй Ляо-цзы, в Лю тао, в «Диалогах» Ли Вэй-гуна). Несомненно, что не только подвергался различным изменениям чжоуский устав, но вырабатывались свои порядки в разных крупных и по существу совершенно независимых от чжоуского дома княжествах или царствах.

2

Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости. По правилам осады крепостей такая осада должна производиться лишь тогда, когда это неизбежно. Подготовка больших щитов, осадных колесниц, возведение насыпей, заготовка снаряжения требует три месяца; однако полководец, не будучи в состоянии преодолеть свое нетерпение, посылает своих солдат на приступ, словно муравьев; при этом одна треть офицеров и солдат [2] оказывается убитыми, а крепость остается не взятой. Таковы гибельные последствия осады.

2

В тексте трактата, приводимом «Камбун тайкэй», воспроизводящем циньскую редакцию, стоят иероглифы [...]. Это значит, что речь идет о потерях только офицерского состава. Считая, как это делает большинство комментаторов, это явно нелепым, перевожу это место согласно тексту, приведенному в Тун дзянь, где дается [...].

3

Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целости и этим оспаривает власть в Поднебесной. Поэтому и можно не притупляя оружие иметь выгоду: это и есть правило стратегического нападения [3].

3

Слово «моу» передано по-русски в зависимости от контекста в одних случаях русскими словами «замыслы», иногда – «планы», в других – «стратегия» (аргументацию в пользу такого перевода см. в примечании 9 к главе 1). Словосочетание «моу гун» в контексте всего этого абзаца переводится здесь как «стратегическое нападение».

4

Правило ведения войны гласит: если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон; если у тебя сил в пять раз больше, нападай на него; если у тебя

сил вдвое больше, раздели его на части; если же силы равны, сумей с ним сразиться; если сил меньше, сумей оборониться от него; если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него. Поэтому упорствующие с малыми силами делаются пленниками сильного противника.

5

Полководец для государства – все равно, что крепление [4] у повозки: если это крепление пригнано плотно, государство непременно бывает сильным; если крепление разошлось, государство непременно бывает слабым.

4

Слово «фу» употребляется главным образом метафорически – в смысле «помощник». Считаю, однако, что здесь Сунь-цзы прибегает к образному сравнению, и поэтому беру это слово в его первоначальном значении – чека, крепление колеса у телеги. О том, что здесь – сравнение, говорят два следующих слова: «чжоу» и в особенности «си» – «плотный» и «щель». Эти понятия приложимы именно к чеке, креплению, которое может быть пригнано плотно и может разойтись так, что получится щель, промежуток.

6

Поэтому армия страдает от своего государя в трех случаях [5]:

Когда он, не зная, что армия не должна выступать, приказывает ей выступить; когда он, не зная, что армия не должна отступать, приказывает ей отступить; это означает, что он связывает армию.

Когда он, не зная, что такое армия, распространяет на управление ею те же самые начала, которыми управляется государство; тогда командиры в армии приходят в растерянность [6].

Когда он, не зная, что такое тактика армии, руководствуется при назначении полководца теми же началами, что и в государстве; тогда командиры в армии приходят в смятение [7].

5

Фраза, представляющая большие грамматические трудности. По-видимому, это чувствовали и старые китайские читатели Сунь-цзы, так как в некоторых изданиях слова «государь» (цзюнь) и «армия» (цзюнь) переставлены одно на место другого (ср. Сорай, цит. соч., с. 59). Несомненно, что при такой перестановке понимание этой фразы облегчается, это более привычная грамматическая форма выражения мысли – «таких вещей, в которых в армии проявляется бедствие по вине государя, три». Однако особенность китайской грамматической формы в этом месте не имеет значения: смысл в обоих случаях будет один и тот же.

6

Сорай дает совершенно иное толкование этой фразе. Он считает, что здесь речь идет о введении в управление армией на равных правах с полководцем «инспектора армии» (цзяньцзюнь), которому поручалось наблюдение за армией и особенно за полководцем. Сорай указывает, что правители часто не доверяли полководцам и опасались всяких неожиданностей с их стороны, почему и назначали особых инспекторов из числа своих приближенных, пользующихся полным доверием. Помимо двоевластия, получающегося в армии вследствие наличия такого инспектора, по мнению Сорая, возникает и тот вред, что такой инспектор, как правило, не знал военного дела и не мог участвовать в руководстве армией. Отсюда и «растерянность в армии» (Сорай, цит. соч., с. 60–61).

Считаю это толкование чрезвычайно искусственным. Насколько оно является притянутым извне, а не основанным на данных текста, свидетельствует тот факт, что Чжан Юй дает совершенно такое же толкование следующей фразе текста, говорящей совсем о другом, сравнительно с этой фразой. Мне кажется, что и с точки зрения чисто лексической, и с точки зрения общего контекста всего данного раздела трактата слова [...] следует понимать так, как понимают их Цао-гун и Ду Ю.

7

Чжан Юй иначе понимает это место. Ему кажется, что Сунь-цзы имел здесь в виду назначение в армию, помимо командующего, еще особого «инспектора армии» (цзяньцзюнь), как это звание стало называться в позднейшие времена. Короче говоря, Чжан Юй понимает это место так же, как Сорай понимает предыдущее. Некоторые основания у него имеются: это наличие слова «жэнь» – «назначение», отправляясь от которого можно прийти при желании и к такому пониманию, тем более, что назначение инспекторов, по-видимому, широко практиковалось, особенно в более поздние времена.

Трудно, конечно, с уверенностью утверждать, что Чжан Юй ошибается; слишком кратки и общи формулы Сунь-цзы. Но все же мне кажется, что если Чжан Юй понял предыдущее положение Сунь-цзы так, как его поняли Цао-гун и Ду Ю, он должен был понять так же, как они, и это положение. Форма, в которую облечены оба положения, абсолютно одинакова, и различие состоит только в том, что в первом положении стоит слово «управление армией», во втором – «назначение в армию». Следовательно, если Чжан Юй первое положение понял как указание на недопустимость управлять армией на тех же началах, как и государством, он должен был принять второе положение, как указание на недопустимость производить назначения в армию на тех же началах, как и в государстве. При таком понимании это положение будет логическим развитием того же принципа, который заложен в предыдущем.

7

Когда же армия приходит в растерянность и смятение, настигает беда от князей. Это и означает: расстроить свою армию и отдать победу противнику.

8

Поэтому знают, что победят в пяти случаях: побеждают, если знают, когда можно сражаться и когда нельзя; побеждают, когда умеют пользоваться и большими, и малыми силами; побеждают там, где высшие и низшие имеют одни и те же желания; побеждают тогда, когда сами осторожны и выжидают неосторожности противника; побеждают те, у кого полководец талантлив, а государь не руководит им. Эти пять положений и есть путь знания победы.

9

Поэтому и говорится: если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение.

Пояснения к главе

«Наилучшее – сохранить государство противника в целости, на втором месте – сокрушить это государство. Наилучшее – сохранить армию противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить бригаду противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранять батальон противника в целости, на втором месте – разбить его. Наилучшее – сохранить роту противника в целости, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить взвод противника в целости, на втором месте – разбить его. Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – это не есть лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» – такими звучащими парадоксально словами начинает эту главу Сунь-цзы.

При этом Сунь-цзы вовсе не филантроп. В VII главе своего трактата он говорит о полководце: «Он вторгается (на территорию противника. – *Н. К.*) и опустошает, как огонь» (VII, 8), а в XII главе, специально посвященной «огневому нападению», говорит о сожжении населения, запасов, обозов, складов, воинских частей противника. Следовательно, он придерживается принципа войны на уничтожение, но полагает, что это «на втором месте»; на первом месте, «лучшее из лучшего», – это не подвергать насилию, не «вторгаться и опустошать», а сохранить страну противника в целости, «подчинить себе ее, не сражаясь». Сунь-цзы считает, что «можно, не притупляя оружия (т. е. не пуская в ход оружия. – *Н. К.*), иметь выгоду». Как это достигается? «Стратегическим нападением».

Исходным пунктом Сунь-цзы во всех его советах и указаниях является мысль, что наилучшая война – это такая война, которая дает максимум выгоды при минимуме вреда. Эта мысль проводится у него через весь трактат и находит яркое выражение в заключительной, XIII главе, где

он называет «верхом негуманности» (а это в его устах есть наиболее сильное осуждение) жалеть средства на организацию военной разведки, или, иначе говоря, вступать в войну или вести войну вслепую, подвергая себя риску больших и ненужных жертв. Стремление во что бы то ни стало оградить свое государство от разорения и получить в свои руки противника тоже не разоренным, сохранить для себя всю его живую силу и материальные ресурсы, что именно и дает подлинную выгоду, – такое стремление характерно вообще для военных и политических философов старого Китая. Война – «на втором месте», к ней прибегают тогда, когда другого выхода нет. «Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа своего войска долго». Кто это умеет, кто умеет сохранить в целостности объект завоевания – страну противника, тот может, по словам Сунь-цзы, «оспаривать власть в Поднебесной», т. е. может претендовать на положение верховного правителя. Завоевание без сражений – наилучшее завоевание, война без военных действий – наилучшая война. Так полагает Сунь-цзы, а за ним и все выдающиеся военные писатели старого Китая. <...>

В «Диалогах» Ли Вэй-гуна в уста одного из собеседников – танского императора Тай-цзуна – вложены следующие слова: «Покорять чужую армию, не сражаясь, – это наилучшее, сто раз сразиться и сто раз победить – это среднее; рыть глубокие рвы, возводить высокие редуты и обороняться за ними – это самое худшее» («Ли Вэй-гун вэньдуй», ч. III, с. 69).

Такая точка зрения, по-видимому, была характерна для китайской доктрины войны. Как уже было сказано, почти все выдающиеся авторы после Сунь-цзы в той или иной форме высказывают эту же мысль. Исторические хроники представляют дело так, будто и практика китайских войн свидетельствует о том же: в ряде случаев достигнутые победы они относят к категории побед, одержанных без сражений, причем именно такие победы оценивают очень высоко.

Как уже заведено в литературе старого Китая, эту тактику должны утвердить своим примером личности, которые принимаются за образец высшей государственной мудрости, – древнейшие легендарные правители Китая Яо, Шунь, Юй. Так, например, рассказывается, что во времена Шуня (2255–2205 гг. до н. э. по традиционной хронологии) восстала страна Сяньмяо, т. е. племена мяо. Юй выступил на усмирение мятежников, но, увидев, что их страна по характеру своей территории очень хорошо приспособлена для обороны, счел бесполезным пробовать покорить ее оружием, как повествует хроника, вернулся со своей армией домой и энергично занялся у себя упорядочением своей страны, насаждением в ней благ культуры, поднятием благосостояния населения и этим добился того, что страна Сяньмяо очень скоро сама изъявила покорность.

Во время Троецарствия (III в.) вэйский правитель Цао Цао (Цаогун, т. е. император У-ди, 155–220 гг.) взял осадой хорошо укрепленный город Ханьдань и никак не мог взять одну из мелких крепостей Иян, защищавшуюся гарнизоном с храбрым Хань Фанем во главе. Тогда Цао Цао направил против этой крепости своего военачальника Сюй Хуана. Тот решил действовать иначе. Вместо того чтобы идти на приступ, он послал на стреле в стан противника послание Хань Фа-ню, в котором убедительно разъяснял

всю бесполезность сопротивления и предлагал сдаться. Он сумел так хорошо развить свою аргументацию, что вполне достиг своей цели: убежденный его доводами, Хань Фань прекратил сопротивление.

Такая тактика, говорят хроники, применялась и в междоусобных войнах, и во время восстаний, как, например, в конце Суйской эпохи, в правление Ян-ди (605–616), когда одно из восстаний приняло большой и опасный размер. <...>

В период Троецарствия в Вэй без кровопролития было усмирено восстание одного из вэйских полководцев, разгромившего (в 244 г.) корейское царство Ко-гурё, – Му Цю-цзяня. Высланный против восставших другой полководец, Сыма Чжун-да (Сыма И, 179–251), не вступая в сражение, занял своими войсками основные стратегические позиции в районе восстания, занял расположенные в горных районах укрепленные пункты, тем самым обеспечив себе полное господство над всем районом. Третью часть своей армии Чжун-да направил в тыл армии восставших и отрезал им подвоз провианта и снабжения. Му Цю-цзянь, увидев создавшееся положение, будто бы, как говорят хроники, понял, что сопротивление бесполезно, и прекратил борьбу.

Подобных примеров комментаторы трактата приводят много, но здесь важно отметить лишь то, что, согласно их концепции, древние правители и полководцы стремились покорить противника без сражения, главным образом тремя способами: во-первых, картиной мудрого и просвещенного правления, благосостоянием государства, мирным преуспеванием своего народа, это само по себе должно было, по их мнению, производить сильнейшее впечатление на противника; во-вторых, можно было действовать на противника мудрой политикой по отношению к нему, политикой, исполненной внимания и уважения к его желаниям и нуждам, широко идущей навстречу его интересам; в-третьих, можно было достичь той же цели и мероприятиями военно-стратегического характера, ставящими противника в положение полной бесполезности сопротивления. Таким образом, орудиями бескровной победы являются: культурный и политический престиж страны, умная и благожелательная по отношению к противнику политика и стратегическое обессиление его.

Военные писатели рассматривают вопрос более узко. Они говорят о чисто военных мероприятиях, могущих обеспечивать бескровную победу. Так, например, цитированный выше Вэй Ляо-цзы указывает на два средства, могущие дать такую победу: путь и мощь. «Путь» в его устах – это высокое состояние своей боеспособности и полное знание противника. «Мощь» – это высокая организованность и дисциплина, совершенное военное искусство. Впрочем, Вэй Ляо-цзы сводит эти элементы к производному от них, но являющемуся решающим: наличие «пути» у себя в стране действует деморализующе на противника, отнимает у него всякую мысль о сопротивлении, наличие «мощи» у себя внушает своему народу и войску чувство полной уверенности в победе. Таким образом, Вэй Ляо-цзы сводит все к фактору внутреннего единства.

Это вообще характерно для него. В IV главе своего трактата он говорит: «То, чем полководец сражается, есть народ, то, чем народ сражается, есть дух. Когда преисполнены этого духа – бьются, когда дух отнят – бегут». Однако в данном случае для нас важно только то, что и историки, и военные

писатели вроде Вэй Ляо-цзы и Ли Вэй-гуна ставят, подобно Сунь-цзы, сражение как метод борьбы с противником на втором месте. На первом месте у них другие пути достижения победы.

Но при такой точке зрения к полководцу, ведущему войну, предъявляются особые требования.

В I главе своего трактата Сунь-цзы, перечисляя качества, необходимые для полководца, на первом месте ставил ум. Это не случайно. Это требование ума находит здесь, в III главе, свое объяснение. Полководец должен уметь победить «не сражаясь». А это значит, что он должен уметь «размышлять», «вырабатывать план»; он должен уметь «нападать замыслом», «нападать планом», т. е. владеть искусством стратегического нападения, как мы передаем по-русски это выражение Сунь-цзы. Нужно уметь «разбить противника умом», как говорят комментаторы Мэй Йо-чэнь и Ван Чжэ.

«Самая лучшая война – разбить замыслы противника, на следующем месте – разбить его союзы», – говорит Сунь-цзы. Это значит: средств стратегического нападения два – разрушение плана противника и изоляция его. <...>

Комментаторы обращают внимание на те исторические факты, которые могут служить примерами именно таких действий. Так, например, Ду Му напоминает о том, как в середине VI в. до н. э. Янь-цзы – полководец и советник циского Цзин-гуна – заставил цзиньского Пин-гуна отказаться от замысла напасть на Ци. По описанию Сыма Цяня, дело произошло таким образом. Пин-гун, задумав нападение на Циское царство, прежде чем предпринять что-либо, сохраняя свое намерение в строгой тайне, направил в Ци своего советника Фань Чжао в качестве официального посла с поручением разведать положение дел в этом царстве. Фань Чжао явился в Ци и был, конечно, принят царем. В честь посла большого и могущественного государства, каким было тогда Цзиньское царство, был устроен пир. На этот пир были приглашены все главные советники и военачальники Циского царства. Фань Чжао увидел, что ему предоставляется благоприятный случай познакомиться с тем, каковы помощники у циского правителя, т. е. определить, в какой мере опасен будущий противник. Поэтому он задумал произвести некоторое испытание их. Он заметил, что на пиру царь и его придворные наливают вино в особые сосуды. Тогда он потребовал, чтобы ему налили в сосуд самого царя. Цзин-гун приказал удовлетворить его просьбу. Но когда Фань Чжао, выпив вино, захотел вернуть сосуд царю, его остановил советник Янь-цзы и приказал слуге отставить этот сосуд и подать царю другой. Дело в том, что он заподозрил тайные умыслы Фань Чжао и догадался о цели его прибытия. Тогда Фань Чжао решил произвести еще одно испытание. Он попросил, чтобы музыканты, игравшие на пиру, исполнили пьесу Чэнь-чжоу: это был музыкальный номер, специально исполнявшийся во время торжественных церемоний при дворе царства Чжоу, и исполнять его при других дворах не полагалось. На это, по знаку Янь-цзы, начальник музыкантов почтительно ответил, что они эту музыку не разучивали. Тогда Фань Чжао, вернувшийся к своему царю, доложил, что на Циское царство нападать нельзя, так как там имеются умные и дальновидные советники, которые хорошо умеют разгадывать чужие замыслы. Пин-гун согласился с этим и отказался от своих намерений. Так Янь-цзы своими действиями ликвидировал замыслы противника в самом зародыше. <...>

Иначе действовал во времена Троецарствия (III в.) полководец царства У – Лу Кан. Он узнал о том, что Ян Ху, собираясь напасть на владения У, начал военные приготовления: соорудил на реке плотину, заготовил перевозочные средства для подвоза по реке провианта и снабжения. Тогда он поспешил неожиданно нагрянуть на эти места, разрушил плотины и уничтожил перевозочные средства. Этим он заставил Ян Ху отказаться от своих замыслов.

Вторая формула Сунь-цзы гласит: «Разбей его союзы». Почти все комментаторы понимают ее в общем одинаково. Разница между ними только в оттенках. Гак, например, Ду Ю считает, что речь идет о том, чтобы не давать противнику заключать союзы вообще. Ван Чжэ говорит о разрыве уже заключенных союзов: «Когда я еще не в силах полностью сломить замыслы противника, следует вмешаться в его союзы и довести их до распада». Все это, конечно, основано на той мысли, что наличие союзов сильно укрепляет данную страну. «Когда заключен союз с сильным государством, противник не осмеливается что-либо замыслить», – говорит Мэн-ши. «Когда у противника есть союзы, дело трудное, и он силен; когда же у него нет союзов, дело маленькое, и он слаб», – поясняет Ван Чжэ. Такова оценка значения наступательных и оборонительных союзов в Древнем Китае.

Ду Му в качестве примера такой тактики расстраивания союзов противника приводит известный случай в начале IV в. до н. э., когда циньский царь, стремясь расстроить заключенный против него союз царей Ци и Чу, направил в Чу искусного дипломата Чжан И, которому удалось оторвать чуского царя от союза с Ци. Это так ослабило Чу, что в дальнейшем сам Хуай-ван попал в плен. Вэйскому Цао-гуну удалось расстроить союз своих противников Хань Суя и Ма Чжао таким приемом: когда обе армии стояли одна против другой, Цао-гун, выехав вперед на коне, пожелал вступить в переговоры с одним из вождей армии противника – Хань Суем, и, когда тот выехал, Цао-гун на виду у всех долго с ним разговаривал; этого было достаточно для того, чтобы другой полководец – Ма Чжао – проникся недоверием к своему союзнику; между ними начались раздоры, союз распался, и борьба прекратилась.

В первой половине VI в., в эпоху распада Китая на две части – северную и южную, во время борьбы правителя Юга – У-ди с северянами, один из военачальников северян – Хоу Цзин перешел на сторону У-ди, чем, конечно, чрезвычайно усилил последнего. Тогда другой военачальник северной армии, Гао Ян, решил оторвать Хоу Цзина от лянского императора. С этой целью он предложил мирные переговоры. У-ди согласился и этим возбудил недоверие и подозрение в своем союзнике – Хоу Цзине. В результате Хоу Цзин поднял оружие против У-ди и убил его. Таким образом, противник Гао Яна был уничтожен без каких-либо сражений.

Таковы различные приемы «стратегического нападения», или, точнее, «нападения замыслом». Сунь-цзы советует прибегать к ним в первую очередь, предлагает испытывать их, прежде чем обращаться непосредственно к оружию.

Однако может оказаться (и на деле в огромном большинстве случаев так и бывает), что одно стратегическое нападение не приводит к цели. «Самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте

– разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска». Остается, следовательно, третье: разбить армию.

Но и здесь Сунь-цзы остается верен своему положению: следует добиваться победы, не идя на большие и, может быть, бесполезные жертвы, не рискуя возможной неудачей. Воевать следует тогда, когда успех обеспечен. Что же, по его мнению, наилучшим образом обеспечивает успех в обстановке действительной войны? В дальнейших частях трактата он перечисляет много условий такого успеха – и географических, и материальных, и моральных. Здесь он выставляет условие, которому придает огромное значение и к которому возвращается и в дальнейшем изложении: численное превосходство.

Сунь-цзы в IV главе рассматривает численное превосходство в ряду других факторов в строгом взаимодействии с ними. «Согласно “Законам воины”, – цитирует он какое-то древнее сочинение, – первое – длина, второе – объем, третье – число, четвертое – вес, пятое – победа. Местность рождает длину, длина рождает объем, объем рождает число, число рождает вес, вес рождает победу». Подробное объяснение этой оригинальной формулы будет дано в соответствующем месте, здесь же достаточно отметить, что численность, «число», по выражению этого древнего китайского сочинения, стоит в ряду других элементов и является с ними сопряженным. Но, во всяком случае, численное превосходство для Сунь-цзы является одним из важнейших факторов победы.

Это положение разделяется далеко не всеми военными теоретиками старого Китая. «Лучше 10 000 сражающихся, чем 1 000 000 не исполняющих приказаний; лучше 100 храбро дерущихся, чем 10 000 просто сражающихся», – говорит Вэй Ляо-цзы (гл. XXIV, с. 62). Иначе говоря, он на первый план выдвигает качественную, а не количественную сторону армии. Эту точку зрения целиком разделяет и У-цзы.

У-цзы является ярким сторонником отборных войск. В армию он предлагает набирать людей, во-первых, по их физическим данным – сильных, выносливых, способных легко переносить далекие переходы; во-вторых, по их моральным качествам – смелых и воинственных; в-третьих – людей, стремящихся в бой по особым соображениям: для того чтобы загладить свои проступки и вновь отличиться. «Если иметь три тысячи таких людей, можно, действуя изнутри, прорвать окружение противника, действуя извне, – вынудить к падению его крепость» («У-цзы», I, 5). <...>

Таким образом, У-цзы является несомненным сторонником небольших, но отборных, хорошо организованных и прекрасно обученных армий. Такая точка зрения двух китайских стратегов IV в. до н. э. – У-цзы и упомянутого выше Вэй Ляо-цзы – свидетельствует о тех изменениях, которые произошли в исторической обстановке приблизительно через два столетия после Сунь-цзы. Надо думать, что во времена У-цзы процесс порабощения свободных общинников, бывших опорой в деле создания армии в эпоху Сунь-цзы, зашел так далеко, что земледельческое население уже не могло служить такой опорой в силу своего гораздо более резкого антагонистического противопоставления правителям. Поэтому и приходилось создавать армию на иных началах, о которых и говорит подробно У-цзы.

Позиция Сунь-цзы отличается большей широтой. Как уже было упомянуто выше, в решении победы он видит действия очень многих факторов – и географических, и моральных, и материальных. Поэтому, вполне признавая, как мы это увидим ниже, значение отборных войск, он не склонен видеть в них основное средство достижения победы. Вследствие этого он и выдвигает принцип численности как один из факторов победы, но такой, которым не только не следует пренебрегать, но которым нужно пользоваться в первую очередь. Не надо забывать, что Сунь-цзы все время имеет в виду свою основную мысль, которой он начал изложение этой главы: «Лучшее из лучшего – покорить себе чужую армию, не сражаясь». Весь ход его мысли идет по линии «стратегического нападения» как основного средства достижения таких результатов. Поэтому и выдвигается значение численного превосходства. Имея достаточно солидный перевес в силах, можно сделать для противника очевидной всю бесполезность сопротивления и заставить его сложить оружие. Это – тоже разновидность «стратегического нападения». Вся относительность численного превосходства Сунь-цзы сам прекрасно создает, что и доказывает словами, приведенными в IX главе: «Дело не в том, чтобы все более и более увеличивать число солдат. Нельзя идти вперед с одной только воинской силой. Достаточно иметь ее столько, сколько нужно для того, чтобы справиться с противником путем сосредоточения своих сил и правильной оценки противника» (IX, 18).

Надо сказать, что стремление вступать в бой или вообще в войну, имея численное превосходство над противником, является характерной чертой китайской и японской стратегии древности и Средневековья. Почти все без исключения полководцы, прославленные хрониками, действовали именно так. В тех же хрониках немало говорится, конечно, и о храбрости, отваге, мужестве, смелости, находчивости, хитрости как о факторах, решающих победу. В хрониках достаточно говорится и о верности долгу, преданности своему господину как о таких же факторах. Но военачальники, очевидно, считали: храбрость – храбростью, верность – верностью, но лучше все же иметь более прочную гарантию – численное превосходство.

Однако понятие численного превосходства для Сунь-цзы не является единым. Для него не все равно, во сколько раз свои силы превосходят силы противника. В зависимости от размера этого превосходства находится и задача нападения, конкретная тактика.

Сунь-цзы различает десятикратное, пятикратное и двойное превосходство. Понятно, что десятикратное превосходство позволяет надеяться на самое желательное – на полную капитуляцию противника без боя. В связи с этим устанавливается и тактика: при таком превосходстве сил прямо нападать не следует, а надлежит произвести окружение противника, зажать его в кольцо вдесятеро превосходящих сил и тем самым поставить его в безвыходное положение.

При пятикратном перевесе сил надо думать о разгроме противника силой, и поэтому в этом случае должна быть применена тактика прямого нападения на противника. Но если превосходство только двойное, то решаться на прямой удар уже нельзя: надлежит прибегнуть к маневру – отделить часть своих войск и ударить в тыл.

Интересно отметить, что принцип численного превосходства, выдвинутый Сунь-цзы, принимается его комментаторами – при всем

их преклонении перед своим автором – с постоянными оговорками. Так, например, Цао-гун в своем примечании к фразе о десятикратном превосходстве пишет так: «Наличие десятикратного превосходства над противником для его окружения требуется лишь тогда, когда полководцы той и другой стороны равны друг другу по уму и храбрости, когда оружие у обеих сторон одинаково; если же противник слаб, а я силен, десятикратного превосходства не требуется». Тут же делается ссылка на исторический пример. Сам Цао-гун произвел окружение своего противника Лю Бэя, запершегося в крепости Сяопэй, имея всего только двойной перевес в силах. Ему удалось принудить Лю Бэя к сдаче, затопив укрепление водой из запруженной реки. Так же рассуждает и Чжан Юй. Ду Му делает оговорку для другой ситуации: «Десятикратное превосходство требуется тогда, когда противник крепок, защитные сооружения его прочны, когда он опирается на сильно пересеченную гористую местность. Но пусть он даже и будет силен, если у него не на что опереться, можно окружить его и без десятикратного перевеса в силах».

Однако Вэй Ляо-цзы, так красноречиво говорящий о важности немногочисленных, но хорошо дерущихся солдат, при операции окружения придерживается точки зрения Сунь-цзы. Ввиду того что производят окружение обычно такого противника, который либо заперся в крепости, либо стоит на хорошо укрепленной позиции, Вэй Ляо-цзы считает с тем, что при обороне, благодаря защитным сооружениям, осажденные могут успешно сопротивляться значительно превосходящему их противнику. Он говорит: «При обороне один может противостоять десяти, десять могут противостоять стам, сто могут противостоять тысяче, тысяча может противостоять десяти тысячам». Чжан Юй, вспоминая эти слова, добавляет: «Он хочет сказать этим, что десять человек обороняющихся могут противостоять ста человекам осаждающим». Таким образом, десятикратный перевес сил взят Сунь-цзы не случайно. Это такое превосходство сил, которое требовалось определенной стратегической ситуацией: борьбой с противником, находящимся на хорошо укрепленной позиции.

Точно так же определенную стратегическую ситуацию имеет в виду и его формула о пятикратном превосходстве. Она также предполагает противника, защищаемого сильными укреплениями или находящегося за стенами крепости. Однако в противоположность первой операции, состоящей из окружения и рассчитанной на быструю капитуляцию противника, эта операция имеет в виду создание угрозы его укрепленным позициям, с тем чтобы вынудить его к сдаче. При десятикратном превосходстве возможна первая тактика, когда же такого превосходства нет, необходимо прибегнуть ко второй. <...>

Таковы три приема стратегического нападения, которыми можно надеяться взять противника, «сохранив всю его армию в целости», к чему именно и стремится Сунь-цзы. Сражение становится неминуемым только тогда, когда силы обеих сторон равны. Тогда Сунь-цзы дает другое указание: «Если силы равны, сумей с ним (противником. – *Н. К.*) сразиться». Иначе говоря, в этой обстановке – при всех прочих равных условиях – победа зависит от воинского искусства полководца, от храбрости и воодушевления солдат.

Последние два указания Сунь-цзы – об отступлении при численном превосходстве противника и об уклонении от встречи с ним при превосходстве его в каком-либо отношении вообще – исходят из той же мысли: из общей предпосылки Сунь-цзы, что наилучшая победа – без кровопролития. Поэтому, вместо того чтобы идти на риск поражения, лучше отступить и уклониться от боя, выиграть время и создать условия, обеспечивающие верную победу, т. е. либо стратегически разгромить замыслы противника, либо стратегически обессилить его, либо создать – при наличии численного перевеса – стратегическую угрозу ему, т. е. применить тот или иной прием стратегического нападения.

Сунь-цзы вовсе не отвергает бой с численно превосходящим противником. История китайских войн дает немало примеров громких побед именно над таким противником. Например, если верить преданию, У-цзы с 50-тысячной армией в сражении при Сихэ наголову разбил вдесятеро сильнейшую армию царства Цинь. Цао-гун с 20-тысячным отрядом разгромил, по свидетельству китайской истории, 400-тысячную армию Юань Шао. Но это – в особых условиях и при особых обстоятельствах. Это уже не нормальная, простая, ничем не осложненная обстановка, а ее «изменение», при котором всякое правило меняет свой облик. Сунь-цзы обо всем этом будет говорить в своем месте. Здесь же, еще раз повторяем, все его указания исходят из общего положения: каковы должны быть действия, которыми можно достигнуть победы без сражения, т. е. каковы приемы стратегического нападения. Но все же и при этом общем положении Сунь-цзы, несомненно, считает, что численное превосходство при любых условиях является одним из самых решающих факторов боя. Этого отрицать нельзя.

Все вышесказанное относилось к третьему положению Сунь-цзы: первое – «самая лучшая война – разбить замыслы противника»; второе – «разбить его союзы»; третье – «разбить его войска». Есть и четвертое: «самое худшее – осаждать крепости». Итак, когда «стратегическое нападение» не привело к желательным результатам, когда приходится действительно сражаться, надлежит сражаться по тем правилам, которые приведены выше. И при всяких условиях нужно воздерживаться от осады крепостей. Это – «самое худшее», потому что и задерживает армию, и вызывает много жертв. В жестоких штурмах, к которым обращается «не преодолевший своего нетерпения», как говорит Сунь-цзы, полководец, «одна треть офицеров и солдат оказывается убитыми, а крепость остается не взятой». Поэтому крепость нужно брать осадой, но «осаждать крепость надлежит только тогда, когда этого избежать нельзя», – предупреждает Сунь-цзы.

Такова общая стратегия Сунь-цзы. Установив общие положения о военных действиях вообще, он переходит к выяснению основных условий, могущих дать победу. Их у него пять: 1) «побеждают, если знают, когда можно сразиться и когда нельзя»; 2) «побеждают, когда умеют пользоваться и большими и малыми силами»; 3) «побеждают там, где высшие и низшие имеют одни и те же желания»; 4) «побеждают тогда, когда сами осторожны и выжидают неосторожности противника»; 5) «побеждают те, у кого полководец талантлив, а государь не руководит им». Эти пять условий представляют новый шаг на пути раскрытия всей доктрины Сунь-цзы.

Первое условие победы – знать, когда можно сражаться с противником, когда нет. Комментаторы по-разному раскрывают смысл этой формулы. Чжан Юй считает, что в ней Сунь-цзы имеет в виду наступление и оборону. <...>

Второе из пяти условий победы, перечисленных здесь, наилучшим образом подтверждает это. Сунь-цзы говорит: «Побеждают, когда умеют пользоваться и большими и малыми силами». Следовательно, Сунь-цзы не только признает возможность принимать бой с меньшими, чем у противника, силами, но допускает вполне и победу при этих условиях.

Внимательное рассмотрение замечаний комментаторов к этому месту трактата приводит к тому заключению, что в этих кратких словах Сунь-цзы содержится двойной смысл, побеждают те, кто знает, когда, т. е. в какой обстановке, нужно пользоваться малыми силами и большими, а также как ими пользоваться. <...>

Третье условие победы – «когда высшие и низшие имеют одни и те же желания». В этой форме Сунь-цзы в известной мере повторяет свою мысль, высказанную в самом начале трактата: «Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений» (I, 3). Однако здесь Сунь-цзы переводит вопрос в другую плоскость: он касается состояния духа армии и требует единства желаний у солдат и полководца, причем здесь речь идет именно о желаниях, т. е. об общем строе чувств и настроений.

Четвертое условие победы – предусмотрительность и осторожность. Полководец должен быть всегда настороже и пользоваться малейшей неосторожностью противника. Образцом такого предусмотрительного полководца считается прославленный военачальник времен Ранней Ханьской династии Чжао Чун-го (137–52 гг. до н. э.). О нем рассказывают, что, находясь в походе, он всегда высылал далеко вперед разведку; когда шел, вел свое войско в полной готовности в любой момент вступить в бой; когда останавливался, укреплял лагерь так, как будто собирался выдерживать целую осаду, высылал далеко по всем сторонам дозоры и т. д. Комментатор Ван Чжэ вспоминает один эпизод из войны между царствами Чу и Чэнь в конце чжоуской эпохи. Царство Чэнь находилось тогда в союзе с царством У, вследствие чего войска этого царства выступили на помощь. Расположившись в 30 милях от своих союзников, они взяли на себя охрану тыла. Тем временем наступили дожди, лившие непрерывно в течение десяти дней. Ночи стояли безлунные, и не было видно ни зги. Тогда И Сян – советник чуского полководца Цзы Ци – высказал своему начальнику предположение, что войска У непременно воспользуются этой обстановкой для неожиданного ночного нападения. Цзы Ци согласился с ним и принял все меры предосторожности. Случилось так, как и ожидал И Сян. Войска У действительно под покровом темноты прошли незаметно 30 миль, отделявшие их от станов двух главных противников, и ударили на чуский лагерь. Однако, ввиду того что там были настороже, нападающие наткнулись на такое сопротивление, что понесли тяжелые потери и в беспорядке отступили. Тогда

И Сян снова обратился к своему начальнику и заметил ему, что 60 миль, проделанных солдатами противника туда и обратно, не то что

30 миль, проделанных в одну сторону. Цзы Ци понял мысль своего советника и направил свои части по пятам отступавшего противника. Опять оказалось так, как и предвидел И Сян: утомленные 60-мильным переходом, дезорганизованные и деморализованные неудачей, войска противника не приняли надлежащих мер предосторожности. Этим и воспользовались преследовавшие. Таким образом, чуским войскам удалось окончательно разгромить армию царства У.

Особое внимание привлекает пятое условие победы, устанавливаемое Сунь-цзы: «Побеждают те, у кого полководец талантлив, а государь не руководит им». Это значит, что Сунь-цзы требует для полководца полной оперативной самостоятельности, отрицает всякое вмешательство в его руководство армией даже со стороны того, кто его назначил на этот пост, – со стороны государя.

Следует отметить, что мысли о полной самостоятельности полководца придерживается и «Вэй Ляо-цзы», т. е. трактат по военному искусству, возникший несколько позже (IV в. до н. э.), но относящийся в общем к периоду Чжаньго. В нем есть такие слова: «Полководец наверху не зависит от неба, внизу не зависит от земли, посредине не зависит от человека» («Вэй Ляо-цзы», гл. VIII, с. 28). Для Вэй Ляо-цзы это значит, что полководец не зависит от всех трех сил, действующих в мире, по концепции древнего конфуцианства. Сильнее этого для древних времен сказать нельзя.

Это положение находится, по-видимому, в связи с более широким принципом – разделения армии и государства как двух начал, имеющих каждое свои специфические функции. Как эта мысль понималась, можно судить по следующим словам трактата «Сыма фа», относящегося к тому же IV в. до н. э., т. е. принадлежащего к тому же периоду:

«В древности государство не вмешивалось в дела армии, армия не вмешивалась в дела государства. Когда армия вмешивается в дела государства, нравы народа портятся, когда государство вмешивается в дела армии, нравы народа слабеют».

Объяснение этим словам дает Лю Инь: «Если армия вмешивается в дела государства, это значит, что армия преобладает над народом, воинское начало преобладает над гражданским; если же государство вмешивается в дела армии, это значит, что народ преобладает над армией, гражданское начало преобладает над воинским» («Сыма фа», гл. II, с. 13). Таким образом, мы сталкиваемся здесь с первым оформлением той концепции, которая получила в Китае в позднейшие времена большое развитие: существование государства и благополучие народа целиком зависят от взаимного равновесия двух начал – гражданского и воинского; преобладание одного из них грозит опасностями.

В более узком применении этот принцип находил свое выражение в строгом отделении власти в армии от власти в государстве. В трактате «Лю тао» это формулируется таким образом: «Государством нельзя править извне, армией нельзя командовать из центра» («Лю тао», отдел «Лун тао», гл. 21, с. 9–11). Подобное разделение властей можно усмотреть из тех полномочий, которые обычно давались полководцу при его назначении. Как известно, назначение полководца обставлялось особой церемонией во дворце, во время которой государь вручал полководцу секиру как эмблему его власти, в частности как символ его неограниченного права наказывать.

При этом государь произносил такие слова: «Все, что в пределах порога, предоставляется государю; все, что за пределами порога, предоставляется полководцу». Иначе говоря, вся власть внутри страны остается в руках государя, вся власть на поле сражения переходит к полководцу.

Таким образом, Сунь-цзы, требуя для полководца полной оперативной самостоятельности, доказывает необходимость разделения власти гражданской и военной и дает, кроме того, подробное объяснение, на чем такое требование основано. Он говорит прямо о бедствиях для армии, вызываемых вмешательством государя в оперативное руководство ею. Этих бедствий он насчитывает три: «Когда он (государь. – *Н. К.*), не зная, что армия не должна выступать, приказывает ей выступить, когда он, не зная, что армия не должна отступать, приказывает ей отступить, это означает, что он связывает армию. Когда он, не зная, что такое армия, распространяет на управление ею те же самые начала, которыми управляется государство, тогда командиры в армии приходят в растерянность. Когда он, не зная, что такое тактика армии, руководствуется при назначении полководца теми же началами, что и в государстве, тогда командиры в армии приходят в смятение». <...>

Согласно концепции Сунь-цзы, в результате вмешательства государя в руководство армией в ней появляются смятение и растерянность. А раз в армии появились смятение и растерянность, наступает «беда от соседних князей», говорит Сунь-цзы. Другими словами, на страну с обессиленной армией набрасываются соседние государства. Это и значит: «самому привести свою армию в расстройство и отдать победу противнику», – заканчивает Сунь-цзы.

Несмотря на этот взгляд, впервые в китайской литературе сформулированный Сунь-цзы, а затем развитый всеми авторитетными военными писателями, практика войн и в Китае, и в Японии показывает, что государи очень часто не считались с этим правилом.

Что же советует делать Сунь-цзы, так решительно отвергающий всякое вмешательство в действия полководца даже со стороны его государя? В этой главе он никакого указания на этот счет не дает, но в главе VIII рекомендует не подчиняться приказу: «Бывают повеления государя, которые не выполняют». Там он не объясняет, в каких случаях и какие повеления не выполняются; здесь он как раз об этом говорит. Таким образом, оба места трактата восполняют друг друга.

Что же дает право полководцу требовать для себя такой абсолютной самостоятельности? Вся эта глава «Сунь-цзы» дает ясный ответ на этот вопрос: талант и знание. Армией распоряжается тот, кто обладает этими двумя качествами. <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.